

ПОЛТАВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

С Л О В О

св. Іоанна Златоустаго во святую Пасху.

(Опытъ перифраза).

Иже во святыхъ отца нашего Іоанна, архіепископа Константинопольскаго, Златоустаго, слово огласительное во святой и свѣтокосный день преславнаго и спасительнаго Христа Бога нашего воскресенія.

По—русски это можно такъ сказать: святителя, т. е. архіерея Константинопольскаго Іоанна, названнаго за хорошія проповѣди златоустымъ, т. е. имѣющимъ золотыя уста, поученіе, сказанное для оглашенныхъ, т. е. научаемыхъ христіанской вѣрѣ, въ святой и свѣтлый праздникъ преславнаго и спасительнаго воскресенія Христа. *Аще кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества.* Если, значить, кто человекъ благочестивый и любитъ Бога, пусть наслаждается этимъ прекраснымъ и свѣтлымъ торжествомъ. *Аще кто рабъ благо-разумный, да увидетъ радуяся въ радость Господа своего.* Эти слова заимствованы изъ евангельской притчи о талантахъ (Мѣ. XXV, 14—40), въ которой господинъ сказалъ рабу, употребившему въ дѣло таланты: войди въ

радость господина твоего. Слова эти будутъ значить: если кто, христіанинъ, разумно пользовался данными ему отъ Бога способностями и средствами для спасенія своей души, пусть духовно радуется съ Господомъ. *Аще кто потрудися постыся, да восприметъ нынѣ динарій.* Если кто потрудился для спасенія своей души, проводя время въ постѣ, пусть получить отъ Бога теперь награду. Здѣсь опять заимствованіе изъ евангельской притчи о работникахъ (Мѣ. XX, 1—16). Въ этой притчѣ Христосъ говорилъ, что одинъ хозяинъ вышелъ рано поутру, часу въ 7-мъ утра, по еврейскому счету въ 1-мъ часу дня, нанять работниковъ; нашелъ нѣсколькихъ, договорился съ ними за динарій (около 20 копѣекъ) въ день и отправилъ ихъ на работу. Потомъ выходилъ на базаръ въ третьемъ, шестомъ, девятомъ и въ одиннадцатомъ часу, по нашему счету около 9-го, 12-го, 3-го и 5-го часовъ дня, и приглашалъ рабочихъ къ себѣ на работу, обѣщая уплатить, что будетъ слѣдовать. По окончаніи дня хозяинъ заплатилъ по динарію всѣмъ, не только тѣмъ, съ кѣми договорился съ самаго утра. *Аще кто отъ перваго часа дѣлалъ есть, да приметъ днесь праведный долгъ.* Кто работалъ съ перваго часа, т. е. исполнялъ волю Божию съ дѣтства, пусть получить теперь слѣдующую плату, т. е. награду отъ Бога, духовную радость. Духовная радость, радость въ Господѣ, — это радость спасеннаго, который видитъ ясно, что избавился отъ вѣчной гибели; бываетъ она у христіанина, когда совѣсть его чиста. *Аще кто по третіемъ часѣ прииде, благодаря да празднуетъ.* Если кто пришелъ послѣ 3-го часа, т. е. началъ угождать Богу не съ малаго дѣтства, а будучи уже возрастнымъ, пусть празднуетъ, веселится, благодаря Бога за снисхожденіе къ нему. *Аще кто по шестомъ часѣ достиже, ничтоже да сумнится, ибо ничимже отщетеваеся.* Если кто пришелъ послѣ 6-го часа, т. е. сталъ угождать Богу, когда уже почти половина его жизни прошла, тотъ пусть не беспокоится, ибо онъ ничего не лишится изъ благъ, даруемыхъ воскресшимъ Христомъ. *Аще кто лишися и девятаго часа, да приступитъ, ничтоже сумняся, ничтоже бояся.* Если кто пропустилъ и 9-й часъ, т. е. если кто началъ спасать свою душу и Богу угождать подъ конецъ своей жизни, пусть приступитъ безъ всякаго сомнѣнія и боязни. *Аще кто точію достиже*

во единонадесятый часъ, да не устрашится замедленія. Если кто поспѣлъ только въ 11-й часъ, т. е. кто уже незадолго до смерти началъ спасаться, пусть не устрашится своимъ замедленіемъ. *Любочестивъ бо съи Владыка,* (ибо Владыка, Богъ, будучи благороденъ и щедръ) *примлетъ* (принимаетъ) *послѣдняго, якоже и перваго; упокоиваетъ въ единонадесятый часъ пришедшаго, якоже дѣлавашаго отъ перваго часа* (дастъ покой и радость пришедшему въ 11-й часъ, какъ и трудившемуся съ 1-го часа); *и послѣдняго милуетъ, и первому угождаетъ* (оказываетъ милость послѣдному и перваго удовлетворяетъ); *и оному даетъ, и сему дарствуетъ* (и тому, много трудившемуся, даетъ и сему, поздно покаившемуся, дарить). *И дѣла примлетъ, и намѣреніе цѣлуетъ* (и дѣла принимаетъ, и доброе желаніе привѣтствуетъ), *и дѣяніе почитаетъ, и предложеніе хвалитъ* (и дѣйствію воздаетъ честь, и доброе расположеніе хвалить). *Тѣмже убо видите вси въ радость Господа своего.* Итакъ, всѣ радуйтесь съ Господомъ! *И первии и втории* (послѣдніе) *мзду* (награду) *примите; богатіи и убозиіи другъ со другомъ ликуйте* (веселитесь), *воздержницы и лѣнiviи день почитите.* Трудившіеся въ дѣлѣ спасенія своей души и нерадивые въ этомъ, почитите настоящій день. *Постившіися и не постившіися, возвеселитесь днесь.* (сегодня). *Трапеза исполнена, насладитесь вси; телець упитанный, никтоже да изыдетъ алчай.* Образное выраженіе взято опять изъ притчи Христа о званнхъ царемъ на свадебный обѣдъ (Мѡ. XXII, 1—14). Находясь въ общеніи со Христомъ, христіане получаютъ отъ Бога благодать. Въ притчѣ это такъ изображается, что гости обѣдаютъ у царя на свадьбѣ. Обѣдъ полонъ всякихъ кушаній (*трапеза исполнена*), мясо жирное (*телець упитанный, откормленный*); всѣ поэтому наслаждайтесь, никто пусть не уходитъ голодный (*алчай*). Это значитъ, — всѣ радуйтесь, никто не печалься. *Вси насладитесь пира въры, вси воспримите богатство благодати Божіей. Никтоже да рыдаетъ убожества, явися бо общее царство* Никто не жалуйся на бѣдность, ибо для всѣхъ достойныхъ открытъ входъ въ царство небесное, гдѣ каждый будетъ сыномъ Царя царей. *Никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія.* Никто не плачь безъутѣшно о грѣхахъ своихъ, т. е. не отчаявайся въ своемъ спасеніи

ло причинѣ грѣховъ, ибо изъ гроба Христова возсіяло прощеніе грѣховъ грѣшникамъ, старающимся получить это прощеніе; Иисусъ Христосъ взялъ на себя грѣхи всѣхъ и за нихъ вытерпѣлъ мученія и смерть,—и теперь черезъ священниковъ совершенно прощаетъ грѣхи кающимся. *Никтоже да убоится смерти, свободи бо насъ отъ нея Спасова смерть. Угаси ю, Иже отъ нея держимый.* Объятый ею, т. е. умершій, Христосъ истребилъ ее. *Плѣни ада Сошедый во адъ; огорчи его, вкусивша плоти Его.* Христосъ, сошедшій въ адъ, мѣсто мученія грѣшниковъ, плѣнилъ его, т. е. вывелъ изъ ада души праведниковъ и перевелъ ихъ въ рай. До страданій и воскресенія Христа души всѣхъ людей умершихъ сходили въ адъ, души и праведныхъ, и грѣшныхъ людей. Своимъ дѣйствіемъ схожденія въ адъ Христосъ огорчилъ адъ (собственно начальника ада, сатану, и его слугъ, бѣсовъ). Адъ коснулся только плоти Христа, т. е. сатана достигъ только того, что Христосъ умеръ. *И сіе предприемый Исаія возопи.* Предъзнавъ это, пророкъ Исаія воскликнулъ: *адъ* (начальникъ ада, сатана, и его служители, бѣсы), *глаголетъ, огорчися, срѣтъ* (встрѣтивъ) *Тя долъ* (въ преисподнихъ). *Огорчися, ибо упряднися* (опустѣлъ, лишился своихъ плѣнниковъ, душъ людей благочестивыхъ). *Огорчися, ибо поруганъ бысть* исходомъ борьбы своей со Спасителемъ. *Огорчися, ибо умертвися* (умертвленъ, потерялъ то, что составляло его жизнь, силу и гордость). *Огорчися, ибо низложися* (низложенъ, свергнутъ съ престола своего и лишенъ прежней власти надъ людьми). *Огорчися, ибо связася* (не то, чтобы цѣпами связанъ, а значитъ, — стѣсненъ, лишенъ силы). *Пріятъ тѣло* (умертвилъ Христа и надѣялся предать тлѣнію тѣло Его), *и Богу приразися* (прикоснулся). *Пріятъ землю* принялъ человѣка, жившаго на землѣ, Христа), *и срѣте небо* (встрѣтилъ Христа, Бога, Царя неба). *Пріятъ, еже видяше* (взялъ, что видѣлъ, т. е. душу Христа), *и впаде во ежв не видяше* (а попался въ то, чего не видѣлъ и даже не ожидалъ, именно: былъ плѣненъ Христомъ). *Гдѣ твое, смерте, жало? гдѣ твоя, аде, побѣда?* (1 Кор. XV, 55). Это слова апостола Павла: смерть! гдѣ твое жало? т. е. грѣхъ, вслѣдствіе котораго явилась смерть. Адъ (сатана)! гдѣ твоя побѣда? *Воскресе Христосъ, и падоша демони* (бѣсы). *Воскресе Христосъ, и радуются ангели, сочув-*

ствуя людямъ. *Воскресе Христосъ, и жизнь жительствоуетъ. Воскресе Христосъ, и мертвый ни единъ во гробъ.* Хотя умершіе и во гробахъ тѣломъ находятся, но они тамъ временно; а передъ страшнымъ судомъ всѣ воскреснутъ. *Христосъ бо, вставъ отъ мертвыхъ, начатокъ усопшихъ бысть* (1 Кор. XV, 20). Ибо Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ и больше не умирая, сталъ для умершихъ начаткомъ, первымъ человѣкомъ изъ вѣчно живущихъ по душѣ и тѣлу. *Тому (Христу) слава и держава (власть) принадлежатъ во вѣки вѣковъ. Аминь.*

С. П. Д.

† К. П. Побѣдоносцевъ.

(Некрологъ).

Не стало выдающагося, великаго человѣка. Въ 6 ч. 15 м. вечера 10 марта скончался Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

Сколько мыслей, чувствъ, воспоминаній, разнообразныхъ до полной противоположности, вызоветъ смерть этого человѣка въ русскомъ обществѣ! Всѣ, или почти всѣ, грамотные люди Россіи знали его и всѣ теперь снова вспомнятъ о немъ: одни благословятъ его память и тепло помолятся объ упокоеніи его души, другіе сомкнутъ свои уста, слѣдуя правилу: *de mortuis aut bene, aut nihil*.—третьи, быть можетъ, не оставятъ въ покоѣ его и по смерти... Но эти послѣдніе будутъ жестоки и несправедливы, ибо не сумѣютъ возвыситься въ оцѣнкѣ этого человѣка надъ своей лично-узкой или партійной точкой зрѣнія.

А такихъ, стоящихъ выше обычнаго уровня, выдающихся людей можно понять и болѣе или менѣе справедливо оцѣнить только тогда, когда безъ всякихъ *своихъ* къ нимъ требованій подойдешь и посмотришь на то, что они носятъ въ себѣ и что выносятъ изъ своей души въ окружающую ихъ среду, простирающуюся иногда до цѣлаго народа. Они тѣмъ и велики, что имѣютъ совершенно точную, определенную программу для всей своей дѣятельности. даже для всей своей жизни,—неписаную на бумагѣ, но начертанную въ ихъ духѣ,—чуткомъ иногда до прозорливости, вос-

пріимчивомъ до болѣзненности. Вся ихъ дѣятельность, пусть самая разнообразная, служить выполненіемъ этой программы, окрашивается въ ея духовный цвѣтъ; въ этомъ залогъ ея силы, стройности и цѣлостности.

Почившій Константинъ Петровичъ былъ натурою богато одаренною отъ природы, получилъ прекрасное воспитаніе (какъ сынъ профессора) и образованіе (самъ незаурядный профессоръ), всю свою долгую жизнь провелъ въ неустанномъ трудѣ въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности и вездѣ у него можно видѣть или отыскать одну руководящую пружину.

Его имя и какъ государственнаго дѣятеля, и какъ ученаго, и какъ администратора *), и какъ публициста, и какъ одного изъ основателей Русскаго Добровольнаго флота окружено для насъ поэзіей національнаго колорита. Эта черта въ его дѣятельности столь ясна и въ то-же время столь привлекательна, ибо не сѣужена до исключительности или нетерпимости, что въ той сферѣ, гдѣ она можетъ разсматриваться отрѣшенно отъ его оффиціального положенія, мѣшающаго посмортѣть на дѣло безъ предубѣжденія, наприм., въ сферѣ литературно-публицистической, она скоро будетъ по достоинству оцѣнена. Безпристрастный судъ найдетъ въ немъ великаго мастера русскаго слова и знатока русской души, умѣвшаго задѣть ее за самыя завѣтныя струны. Такія книжки К. П---ча, какъ „Праздники Господни“, „Вѣчная память“, „Побѣда, побѣдившая міръ“, высоко цѣнимыя и теперь „любителями“, широкою волною пойдутъ въ народъ, какъ только проснется въ немъ и заговоритъ столь поруганное въ наши дни національное самосознаніе, пойдутъ онѣ въ народъ потому, что въ нихъ вѣтъ націонализмъ широкій, всеобъемлющій, христіанскій.

Будучи самъ широкимъ націоналистомъ, К. П---чъ чутко умѣлъ отыскивать и цѣнить родныхъ ему по духу дѣятелей въ этомъ направленіи, поддерживалъ съ ними самыя трогательныя отношенія, окрашенные тою-же поэзією, въ какой онъ виталъ самъ. Извѣстна его переписка съ Н. И. Ильминскимъ (печаталась въ „Прав. Собесѣдн.“), которую читать такъ же легко и интересно, какъ какой нибудь ро-

*) Мы не имѣемъ здѣсь въ виду характеризовать его въ роли оффиціальной должности Оберъ-Прокурора св. Синода, по понятной причинѣ.

манъ русскаго классика, хотя въ ней больше всего трактуется о предметахъ и вопросахъ ученыхъ, особенно часте — филологическихъ. Извѣстна также его тѣсная дружба съ незабвеннымъ С. А. Рачинскимъ, церковно-школьная дѣятельность котораго была столь любезна сердцу К. П—ча.

Нужно желать, чтобы эти идейныя отношенія и связи были освѣщены во имя общаго блага путемъ изданія всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ.

Какъ человекъ высокаго ума и тонкой проницательности, К. П—чъ умѣлъ быстро схватить главное въ фактѣ или предметѣ и такъ мѣтко оцѣнить и кратко охарактеризовать какое-нибудь явленіе или лицо, что многія его выраженія повторялись, какъ своего рода стереотипы въ примѣненіи къ аналогичнымъ случаямъ или похожимъ лицамъ. А нѣкоторыя его рѣчи, какъ напр. сказанная въ Кіевѣ на праздникъ 900-лѣтія крещенія Руси или въ обществѣ исторіи и древностей послѣ кончины Императора Александра III-го можно назвать перлами среди образцовъ этого рода и поставить по достоинствамъ на первое мѣсто въ ряду всего, что сказано и написано по указаннымъ поводамъ.

Ни одно выдающееся въ умственной жизни Россіи явленіе не ускользаетъ не только изъ вниманія К. П—ча, но и получаетъ отъ него глубокую, своеобразную, хотя, быть можетъ, иногда и одностороннюю оцѣнку. Не говоря уже о сильныхъ статьяхъ его „Московского сборника“, посвященныхъ оцѣнкѣ теченій мысли и жизни 60-хъ—90-хъ годовъ протекшаго столѣтія, онъ и въ послѣдніе годы, имѣя уже 70 съ лишнимъ лѣтъ, сейчасъ же отзывался на все новое, что волновало умы русской интеллигенціи. Началось переустройство нашей упавшей школы, онъ издаетъ нѣсколько книгъ (напр. „Ученье и учитель“) по этому вопросу. Заявляетъ о себѣ теченіе религіозной мысли, желающее найти Христа и христіанство внѣ «исторической Церкви», К. П—чъ выступаетъ съ сильной статьей, доказывая, что христіанство безъ Церкви будетъ „христіанствомъ безъ Христа“ (заглавіе статьи). Поднимаются рѣчи о реформѣ богослуженія, онъ издаетъ особую книжку, откликаясь и на этотъ вопросъ, особенно ему близкій и дорогой, какъ главному знатоку славянскаго языка, тонко понимающему его

своеобразную красоту. Справедливость требует сказать, что, если многіе изъ насъ цѣнятъ не только вѣками сложившееся богослуженіе, но и все вообще отзывающееся стариною лишь по традиціи и привычкѣ, К. П.—чѣ любилъ и цѣнилъ это по глубокому убѣжденію. Изъ его литературныхъ трудовъ явствуетъ, что онъ умѣлъ одухотворять старину, для него она была полна силы и жизни. Онъ не изжилъ въ ней самъ, не «выдохся», кикъ выдохлись многіе, критикующіе старину за ея «мертвенность», «окаменѣлость», вмѣсто того, чтобы критиковать себя за неумѣнье найти въ старинѣ то, что, хотя и старо по времени, но не состарилось и никогда не состарѣтся по существу своего содержанія. Онъ не былъ противникомъ реформъ и нововведеній, на нѣкоторыя изъ нихъ выразительно указывалъ самъ (въ области школьной), но вездѣ желалъ видѣть на первомъ планѣ совершенствованіе духа, а не внѣшнихъ формъ, и недовѣрчиво относился къ тѣмъ крайностямъ, какія у насъ, быть можетъ по нашей широкой русской натурѣ, сейчасъ же выступаютъ на первый планъ и готовы въ стремленіи къ новому опрокинуть все старое, безъ разбору. Какъ типичный, стойкій носитель и выразитель стараго, онъ не могъ не стать мишенью для ѣдкихъ нападокъ, открытой ненависти, доходившей до желанія насильственно отнять у него жизнь. Но Богъ хранилъ ее и далъ дожить К. П.—чу до 80-лѣтняго возраста,—крайняго предѣла назначеннаго псалмопѣвцемъ для тѣхъ, кои „въ силахъ“.

Вѣчная память великому сыну великой Родины!

К. П. Побѣдоносцевъ родился въ 1827 г. въ Москвѣ, въ семьѣ профессора московскаго университета П. В. Побѣдоносцева, занимавшаго кафедру русской словесности, и въ домѣ же родного отца былъ подготовленъ къ поступленію въ императорское училище правовѣдѣнія. Онъ окончилъ тамъ курсъ 14 іюня 1846 г. и съ того времени началъ свою службу въ канцеляріи 8-го департамента Правительствующаго Сената, а съ 1853 года вернулся въ Москву для исполненія должности оберъ-секретаря при общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената.

Къ этому времени пребыванія въ Москвѣ и относится появленіе К. П. Побѣдоносцева на учено-литературномъ

поприщѣ. Прежде всего на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ имъ были напечатаны: „Замѣтки для исторіи крѣпостного права въ Россіи“, „О реформахъ въ гражданскомъ судо-производствѣ“ и др.

Несомнѣнные достоинства этихъ первыхъ опытовъ обратили на себя большое вниманіе, и талантливому юристу было предоставлено чтеніе лекцій по гражданскому праву въ московскомъ университетѣ (1859—1860 гг.), а затѣмъ, съ 1861 года, на его долю выпала честь преподавать законовѣдѣніе покойному Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру III и великому князю Владиміру Александровичу. Онъ также удостоился сопровождать тогдашняго Наслѣдника престола при его путешествіи отъ Петербурга до Крыма въ 1863 г. Плодомъ этой поѣздки явилась книга подъ заглавіемъ: „Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи“, отрывки изъ которой и до сихъ поръ помѣщаются въ нашихъ хрестоматіяхъ, какъ лучшіе образцы русской прозы.

Но уже въ тѣ же шестидесятые годы наряду съ юридическими вопросами К. П. Побѣдоносцевъ сталъ заниматься вопросами религіи и христіанской нравственности.

По переѣздѣ въ Петербургъ, назначенный съ 1865 года членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, съ 1868 года сенаторомъ, К. П. Побѣдоносцевъ издалъ свой замѣчательный трудъ „Курсъ гражданского права“, выдержавшій пять изданій и до сихъ поръ служащій образцовымъ руководствомъ. Въ этотъ „курсъ“ вошло большинство его работъ по отдѣльнымъ вопросамъ гражданского права. онъ является первой полной обработкой дѣйствующаго русскаго гражданского права. Въ основу этого, считающагося классическимъ, труда положенъ историко-сравнительный методъ: каждый институтъ разсматривается авторомъ въ римскомъ, французскомъ и германскомъ правѣ, при чемъ авторъ старается установить его основную идею и только затѣмъ переходитъ къ изложенію русскаго законодательства по данному институту, всегда предпосылая догматическому изложенію историческій очеркъ его происхожденія и развитія на нашей почвѣ.

Въ томъ же году К. П. напечаталъ свой замѣчательный

переводъ Оомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“. 19 февраля 1868 г. К. П. былъ назначенъ къ присутствованію во 2-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената; въ ноябрѣ того же года онъ былъ перемѣщенъ въ гражданскій кассационный департаментъ. 1 января 1872 г. ему было Всемиловитѣйше повелѣно быть членомъ Государств. Совѣта съ присутствованіемъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ 1875—78 гг. онъ состоялъ членомъ комиссіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ по министерству народнаго просвѣщенія, въ 1877 г.—членомъ комиссіи для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ второй главы перваго отдѣла уложенія о наказаніяхъ, въ 1879 г. членомъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ.

24 апрѣля 1880 г. К. П. Побѣдоносцевъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ св. Синода, а въ октябрѣ того же года онъ кромѣ того былъ назначенъ членомъ Комитета министровъ. Это назначеніе обратило на себя въ свое время общее вниманіе. Дѣло въ томъ, что до того времени оберъ-прокуроръ св. Синода, хотя по своему значенію въ управленіи дѣлами православнаго вѣдомства занималъ постъ, почти равный министерскому, не считался членомъ Комитета министровъ. Предшественникъ К. П. Побѣдоносцева, графъ Д. А. Толстой былъ членомъ Комитета министровъ лишь по званію министра народнаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ К. П. Побѣдоносцевъ былъ сдѣланъ членомъ Комитета министровъ лично. Съ тѣхъ поръ безсмѣнно въ теченіи двадцати пяти лѣтъ К. П. Побѣдоносцевъ занималъ должность оберъ-прокурора св. Синода, принимая близкое и непосредственное участіе въ рѣшеніи вопросовъ государственной важности.

Со дня назначенія оберъ-прокуроромъ св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ широко развернулъ свою учено-литературную дѣятельность. Изъ крупнѣйшихъ его работъ извѣстны: „Нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ“, „Приобрѣтеніе собственности и потомственные книги“, „Вещный кредитъ и закладное право“, „Одновѣрческія земли и начало спеціальнаго межеванія въ Россіи“, „Юридическія замѣтки и вопросы по наследственному и завѣщательному правамъ“, „О чрезполосномъ владѣніи“, „Судебное руководство“, Матеріалы для исторіи приказнаго судо-

производства въ Россіи“, „Историческія изслѣдованія и статьи“ и др.

За свои научные труды и общественную дѣятельность К. П. Побѣдоносцевъ былъ избранъ въ почетные члены императорской академіи наукъ, московскаго, с.-петербургскаго, казанскаго университетовъ и университета св. Владимира въ Кіевѣ, духовныхъ академій и другихъ учебныхъ учреждений. Онъ состоялъ, кромѣ того, предсѣдателемъ Николаевскаго православнаго братства.

1 января 1894 г. К. П. былъ Всемиловѣннѣе пожалованъ статсъ-секретаремъ, въ день св. коронованія 14 мая 1896 г. ему пожалованъ орденъ св. Владимира 1-й степени при рескриптѣ, а въ 1898 г. ему пожалованъ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго. Въ 1905 году К. П. оставилъ постъ оберъ-прокурора св. Синода, занимаемый имъ четверть вѣка. (Церков. Голосъ).

† Алексѣй Осиповичъ Раевскій.

(Некрологъ и похороны).

16-го прошлаго февраля, въ началѣ 6-го часа вечера, отъ сердечной астмы скончался, 68 лѣтъ отъ роду, старѣйшій преподаватель мѣстной духовной семинаріи с. с. Алексѣй Осиповичъ Раевскій, прослужившій въ ней почти 42 года. 18-го января ученики покойнаго видѣли его въ классѣ въ послѣдній разъ, а затѣмъ, почти черезъ мѣсяць, онъ и совсѣмъ скрылся съ земнаго горизонта... Послѣ него осталась жена и двѣ дочери, изъ которыхъ старшая прибыла (изъ Вильно) отдать послѣдній долгъ любящему и заботливому отцу.

Формуляръ покойнаго не отличается обилиемъ страницъ, — несмотря на то, что 21 годъ онъ состоялъ секретаремъ семинарскаго правленія и самъ „вель“ формуляры служащихъ: въ немъ не значатся многія, даже выдающіяся событія въ служебной жизни покойнаго. Вообще, онъ не любилъ бумажнаго дѣла, а потому не спѣшилъ заносить въ служебную лѣтопись не только чужихъ заслугъ, но даже и своихъ...

Изъ того, что есть въ формулярѣ покойнаго, видно, что онъ сынъ діакона, Полтавской губерніи, воспитывался въ

Полтавской духовной семинаріи (въ то время была въ Переяславѣ). По окончаніи въ ней курса, съ 1861 по 1865 годъ продолжалъ образованіе въ Киевской духовной академіи, гдѣ слушалъ науки богословскія, философскія, словесныя, историческія и языки греческій, латинскій, французскій и еврейскій. По окончаніи курса академіи съ причисленіемъ къ первому разряду, въ 1865 году назначенъ былъ учителемъ въ родную семинарію по кафедрѣ логики, психологій и латинскаго языка, каковой языкъ съ тѣхъ поръ преподавалъ до самой смерти; кромѣ того, въ продолженіи одного года ученикамъ высшаго отдѣленія преподавалъ (безмездно) обзоръ русскаго раскола. Въ 1867 году утверждёнъ былъ въ степени кандидата богословія, съ правомъ получения степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, по прослуженіи двухъ лѣтъ въ духовно-учебномъ или епархіальномъ вѣдомствѣ съ надлежащимъ одобреніемъ начальства, а въ 1868 году удостоенъ былъ и степени магистра. Съ открытія Епархіальнаго женскаго училища (17-го октября 1868 года) и по 1887 годъ покойный состоялъ преподавателемъ (хотя и нештатнымъ) сперва русскаго языка и словесности, потомъ исторіи въ этомъ училищѣ и на первыхъ порахъ—безмездно. Также года 3—4 преподавалъ латинскій языкъ въ мужскомъ духовномъ училищѣ (въ формулярѣ—нѣтъ). Неся свои учительскія обязанности, покойный много лѣтъ состоялъ членомъ семинарскаго правленія и его секретаремъ (съ 1875 года по 1896 годъ). Когда въ 1896 году въ духовныхъ семинаріяхъ введены были „старшіе“ оклады въ 1500 руб. и 1250 руб. за 12 недѣльныхъ уроковъ, правленіе семинаріи избрало его на высшій окладъ, съ званіемъ „старшаго преподавателя“ (въ формулярѣ—также нѣтъ). Съ начала текущаго учебнаго года, по случаю сокращенія въ духовныхъ семинаріяхъ древнихъ языковъ, покойный остался сверхштатнымъ преподавателемъ семинаріи.

И эти почти 42-хъ-лѣтніе труды покойнаго не остались безъ должной оцѣнки: онъ удостоенъ всѣхъ доступныхъ для учителя орденовъ, начиная съ св. Станислава 3-й ст. и кончая св. Владиміромъ 4-й ст. Но такъ какъ покойный вовсе не прельщался виѣшними знаками отличія, то для него самая высшая награда та, что малоросса „Олексія Осиповича“ знаетъ вся Полтавская епархія, какъ учителя „латыни“ въ семинаріи—и учителя сердечнаго, ровнаго, спо-

койнаго и справедливаго, а спокойствіе и справедливость въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ—важная вещь, хотя и рѣдкая...

Въ день смерти мы застали покойнаго возлежащимъ на тѣхъ самыхъ книгахъ, которыя, при его жизни, служили для него пособіями: у изголовья — книги, подъ одной рукой—любимый имъ Лактанцій, а подъ другой—латинскій лексиконъ. Лицо его было какъ живое, такъ что можно подумать, что онъ, усталый отъ переживаемыхъ событій, скороѣ отдыхаетъ, чѣмъ спитъ вѣчнымъ сномъ.

Первую панихиду въ квартирѣ покойнаго въ 8 ч. вечера совершилъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Варлаамъ, при участіи духовника семинаріи протоіерея М. Тимошевскаго и въ сослуженіи помощника эконома діакона Гр. Ильчинскаго; панихиду пѣлъ семинарскій хоръ, послѣ чего воспитанники VI класса остались попеременно читать псалтирь надъ покойникомъ.

На другой день, 17 февраля, совершена панихида въ семинарской церкви, на которой присутствовали, какъ всѣ воспитанники семинаріи, такъ и сослуживцы покойнаго, а затѣмъ ректоръ семинаріи, при участіи духовника протоіерея М. Тимошевскаго и надзирателя священника В. Каменецкаго, совершилъ панихиду въ квартирѣ покойнаго, на которой также присутствовали почти всѣ его сослуживцы. Въ тотъ же день въ его квартирѣ панихиду совершили: смотритель духовнаго училища протоіерей Гр. Лисовскій, съ каѳедральнымъ протоіереемъ Ѳ. Лазурскимъ и священникомъ І. Тимошевскимъ, при пѣніи учениковъ духовнаго училища, инспекторъ классовъ Епархіальнаго женскаго училища священникъ Ал. Каменскій, при пѣніи воспитанницъ училища, подъ управленіемъ священника Ал. Соколова. Не забыли покойнаго и его бывшіе ученики; изъ нихъ, сколько намъ извѣстно, совершили панихиды,—одни въ квартирѣ, а другіе въ семинарской церкви: протоіерей Н. Копа-Овдѣнко съ священникомъ П. Тарасѣвичемъ, священникъ І. Костецкій съ діаконѣмъ І. Терлецкимъ, священникъ Г. Богацкій и священникъ Г. Тарасенко.

Выносъ тѣла покойнаго изъ его квартиры въ семинарскую церковь состоялся 18-го февраля, въ 4^{1/2} часа дня. Передъ выносомъ литію въ квартирѣ покойнаго совершилъ ректоръ

семинаріи архимандритъ Варлаамъ, при участіи протоіереевъ Гр. Лисовскаго, Н. Уралова, Н. Копы-Овдѣнко и М. Тимошевскаго, священника С. Головченко и въ сослуженіи діаконовъ Гр. Ильчинскаго и В. Чернявскаго. На литіи, кромѣ сослуживцевъ покойнаго, его питомцевъ, родныхъ и знакомыхъ, присутствовалъ и членъ—ревизоръ учебнаго комитета при Св. Синодѣ д. с. с. Дм. Ив. Тихомировъ, прибывшій наканунѣ въ Полтаву для ревизіи мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній. Отъ квартиры до семинаріи гробъ съ останками несли воспитанники семинаріи, при чемъ противъ духовнаго училища процессія остановилась для произношенія ектеніи, которую пѣли ученики училища подъ управленіемъ учителя пѣнія Ив. Ив. Лебединскаго. Во время выноса вся Колонійская улица и часть Кировнаго переулка, гдѣ жилъ покойный, до самой семинаріи была запружена народомъ.

На гробъ покойнаго возложено 9 вѣнковъ: „Глубокоуважаемому Алексѣю Осиповичу—отъ друзей-сослуживцевъ“; „Дорогому учителю—ученицы и ученики (бывшіе). Епархіальное женское училище“; „Дорогому и незабвенному наставнику—ученики VI класса, 1907 года“; „Честному и отзывчивому педагогу—отцу—благодарные питомцы V класса П. Д. С“; „Дорогому и незабвенному наставнику—отъ искренно любящихъ воспитанниковъ IV класса, 1907 г.“; „Дорогому защитнику—отъ признательныхъ питомцевъ III класса“; „Дорогому, незабвенному учителю—отъ признательныхъ питомцевъ II класса 1-го отдѣленія“; „Дорогому наставнику Алексѣю Осиповичу—отъ питомцевъ II класса 2-го отдѣленія“; „Дорогому наставнику—отъ благодарныхъ питомцевъ I класса“.

Въ день похоронъ, 19-го февраля, заупокойную литургію въ семинарской церкви совершилъ ректоръ семинаріи архимандритъ Варлаамъ, при участіи духовника протоіерея М. Тимошевскаго, эконома семинаріи священника С. Головченко и его помощника діакона Гр. Ильчинскаго.

На литургіи, во время причастна, воспитанникъ VI класса Аврамовъ Иванъ сказалъ слѣдующее поученіе, посвященное памяти покойнаго:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

Передъ нами, братіе, во гробъ нашъ дорогой наставникъ... Онъ уже пережилъ великій и страшный часъ смертный.

Его брѣнное тѣло вотъ въ этомъ тѣсномъ дубовомъ гробѣ, а душа его пошла туда, на небо, въ свѣтлыя обители Отца небеснаго, Который ему и далъ ее.

Много поучительнаго представляетъ намъ этотъ гробъ и лежащій въ немъ нашъ учитель. Почившій уже перешелъ отъ насъ на небо, а мы остаемся на землѣ; всѣхъ насъ еще ждетъ страшный часъ смертный. Когда онъ придетъ къ намъ—это сокрыто отъ насъ; мы только знаемъ, что придетъ непременно. Каждый новый гробъ несомнѣнно убѣждаетъ насъ, что и мы, и тебѣ, слушатель, нужно будетъ улечься въ темной могилѣ...

А тамъ что?—А тамъ праведный судъ Божій, на которомъ мы или прославимся, или постыдимся. Но готовы ли мы предстать предъ небеснаго Судію и Господа нашего? Каждый ли изъ насъ ждетъ послѣдняго часа этой жизни?—а онъ, вѣдь, не за горами отъ насъ. Хорошо тому изъ насъ, кто въ этой жизни постоянно готовится къ будущей, — за тѣмъ, вѣдь, и дана намъ настоящая жизнь. Хорошо тому, кто въ этой жизни всѣмъ сердцемъ полюбилъ Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и всего себя предалъ Ему. Хорошо тому, для кого молиться Царю небесному, служить Ему дома и въ храмѣ, славить, благодарить Его,—не тяжесть какая-либо, а истинное благо. Душа того, перенесясь съ земли на небо, будетъ близка ко Господу, будетъ съ Нимъ и въ Немъ, будетъ въ раю радоваться несказаннымъ веселіемъ. Хорошо тому изъ насъ, кто имѣетъ искреннюю любовь къ ближнимъ, заботится не о своемъ только благѣ, но и о благѣ своихъ ближнихъ, особенно нуждающихся въ его помощи, кто самъ себя лишаетъ и покоя, и удовольствій, лишь бы ближняго успокоить и не заставить его терпѣть горе и нужду. Благо тому, кто наблюдаетъ за своею душою, сознаетъ тяжесть своихъ грѣховъ и старается очиститься отъ нихъ благодатію Божіею. А что тому изъ насъ, кто о Богѣ мало и думаетъ, и молитва для него мало извѣстна, для кого побывать въ церкви, хотя бы и на короткое время,—тяжесть немалая? Что тому изъ насъ, кто заботится только о себѣ, о своихъ удобствахъ и удовольствіяхъ, а до ближнихъ ему какъ-бы и дѣла нѣтъ? Что тому, кто не заботится или мало заботится о своей душѣ, съ очищеніемъ ея отъ грѣховъ и не знаетъ даже всей тяжести ихъ, живетъ какъ живется?

Вотъ тѣ поучительные вопросы, которые, мнѣ кажется, должны занимать насъ въ настоящій моментъ.

Не отойдемъ же, братіе, отъ сего гроба безъ наставленія. А это наставленіе—какъ должно жить, чтобы не страшно было предстать предъ вѣчностью, мы найдемъ въ жизни лежащаго передъ нами дорогого наставника. Правда, онъ не совершилъ какихъ-либо подвиговъ, которые признаются людьми великими. Онъ всю свою жизнь посвятилъ на служеніе наукѣ, посвятилъ на воспитаніе и обученіе юношества, а это, мнѣ кажется, еще труднѣе, чѣмъ быть какою-нибудь знаменитостью и совершать великія дѣла,—особенно въ нынѣшній вѣкъ. Чтобы оцѣнить чью бы то ни было дѣятельность, нельзя смотрѣть только на то, что служащій занимаетъ болѣе или менѣе высокое мѣсто; нѣтъ, каждый изъ насъ можетъ богоугодно отправлять дѣла своего званія, когда онъ исполняетъ свой долгъ по совѣсти. Поступалъ ли такъ почившій?—Съ увѣренностью можно сказать, что онъ такъ, именно, и поступалъ. Его прямая, добрая душа была устремлена на то, чтобы принести пользу юношеству, и для этого онъ не щадилъ ни силъ, ни здоровья въ теченіи сорока слишкомъ лѣтъ его учительской дѣятельности. И онъ не просто исполнялъ долгъ свой, а исполнялъ съ любовью къ дѣлу и къ тѣмъ, кого Господь ввѣрилъ его попеченію; не просто училъ, но училъ, какъ нужно любить другъ друга и жить по христіански, потому что самъ былъ всегда истиннымъ послѣдователемъ Того, Кто есть высочайшая Любовь. Вся его жизнь была передъ Господомъ, какъ свѣтлый день, видна; передъ Нимъ всѣ его дѣла, всѣ его слова и всѣ помысленія.

Таковъ былъ почившій нашъ наставникъ. И мы увѣрены, что праведный Судія воздастъ ему за все содѣянное имъ изъ любви къ Богу и къ намъ, его ближнимъ, и онъ безобоязненно предстанетъ предъ нашимъ Спасителемъ и Господомъ. А чтобы не отойти отъ усопшаго безъ поученія, дадимъ себѣ обѣщаніе—такъ же свято ходить предъ Господомъ, такъ же честно, искренно и справедливо служить ближнимъ и исполнять свой долгъ, какъ исполнялъ его почившій нашъ учитель.

Ты же, дорогой и неоцѣненный нашъ наставникъ, Алексѣй Осиповичъ, прими отъ насъ сердечную благодарность

за твою доброту и ласку, за твое прямодушіе, за твою искреннюю любовь къ намъ! Твой образъ, дорогой нашъ учитель и учитель нашихъ отцовъ, навсегда запечатлѣтся въ сердцахъ каждаго изъ насъ. Вся твоя жизнь будетъ служить руководствомъ и нашей жизни. Тѣломъ ты умеръ, но душою ты будешь жить среди насъ.

А теперь прости, до свиданія въ невечернемъ днѣ царствія Христова! Молись за насъ Господу, какъ и мы молимся и будемъ молиться Ему, дабы Онъ упокоилъ твою добрую душу тамъ, гдѣ праведные упокоются. Аминь“.

На литургіи же, во время „Буди имя Господне“, воспитанникъ V класса Степановъ Андрей посвятилъ своему наставнику такое слово-размышленіе:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

Видя предъ собой бездыханное тѣло, всякій человѣкъ, даже не обладающій особенной силой духовнаго созерцанія, забываетъ все его окружающее и погружается въ самого себя. Какая-то роковая необходимость побуждаетъ его остановиться на величайшемъ таинствѣ смерти, и вся прелесть окружающаго міра никакими соблазнами не въ силахъ отвлечь духовнаго ока его отъ обезображенной и обезславленной красоты человѣческой плоти. Кто бы ни стоялъ передъ гробомъ,—старикъ-ли, юноша, дитя ли—одна общая печаль волнуетъ ихъ душу и одно чувство гнѣздится въ ихъ сердцахъ

Подыmemъ же завѣсу души своей и посмотримъ, что каждый изъ насъ испытываетъ, глядя на онѣмѣвшее и застывшее тѣло столь дорогаго намъ и любимаго человѣка. Надѣюсь, я не ошибусь, если скажу, что инныя мысли и чувства рождаются въ душахъ каждаго изъ насъ, когда мы смотримъ на молодое, еще не расцвѣтшее вполнѣ лицо юноши, на которое безжалостная смерть наложила свою печать, и на убѣленный сѣдинами мудрости обликъ старца. Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу во гробѣ лежащую, по образу Божію созданную человѣческую красоту, безобразную, безславную, не имущую вида... Этими чудными, дивными словами, проникнутыми глубокою любовью и жалостью къ человѣку, церковная пѣснь вполнѣ опредѣляетъ тѣ чувства и ту душевную бурю, которая поднимается внутри насъ, при видѣ мертвеца -юноши. Жить-бы, жить безко-

нечно, и вѣчно сохранять свѣжесть, здоровье, красоту тѣла— вотъ затаенное желаніе человѣка, вступившаго въ житейское плаваніе!

Но наряду съ этимъ стремленіемъ къ вѣчному чувственному существованію, проходящимъ красною нитью чрезъ всю исторію челоуѣчества, печальный фактъ смерти, этой роковой необходимости, служить неминуемымъ подводнымъ камнемъ, о который разбиваются наши радостныя мечты. Откуда же въ челоуѣкѣ является эта радость чувственной жизни, желаніе жить вѣчно? Вѣдь, если спросить самаго счастливаго челоуѣка, то и онъ скажетъ, что подъ чудными лепестками розы жизни кроются острые шипы—безконечная чаша челоуѣческихъ страданій. Вѣдь, самое понятіе вѣчности, даже по челоуѣческому разуму, противорѣчитъ понятію матеріи, которая является носителницей чувственнаго существованія!

Отсюда ясно, что это стремленіе не лежитъ и не можетъ лежать въ самой плоти, какъ не свойственное ей, а есть отголосокъ того начала—безсмертнаго челоуѣческаго духа, созданнаго по образу и подобию Божію, который есть вѣчная самодовлѣющая жизнь, ея источникъ и безсмертіе. Такія мысли являются у насъ при видѣ мертвеца юноши. Но иначе слѣдуетъ думать, смотря на бездыханное тѣло старца. Тутъ мы должны примириться съ беспощадной необходимостью и видѣть въ плоти только временный храмъ безсмертнаго духа, которому опредѣлено безконечное совершенство и вѣчное бытіе. Но не только челоуѣческая плоть подвержена этому общему закону уничтоженія, но и весь міровой процессъ, какъ свидѣтельствуютъ намъ науки, предполагаетъ своей конечной цѣлью ту же самую смерть. Поэтому, напрасны всѣ наши печали и скорби при видѣ поруганной, обезображенной челоуѣческой красоты. Возьмемъ общеизвѣстный, безконечное число разъ повторяющійся фактъ,— рождается челоуѣкъ... Проходитъ нѣсколько лѣтъ и предъ нами полный силъ и здоровья юноша... Но неумолимая старость беретъ свое: блѣднѣетъ полное силъ и здоровья лицо, искажаются его черты... И цвѣтушій юноша является слабымъ старикомъ, въ поблекшемъ обликѣ котораго чувствуется близкое дыханіе смерти.

Отторгнемъ свой духовный взоръ отъ искаженной смертью плоти и устремимъ его къ тому безконечному и безсмерт-

ному духу, носителями котораго были эти бранные останки. Чувство глубочайшаго мира и успокоенія проникнетъ тогда въ наши сердца. Въ душѣ этого дорогаго намъ челоуѣка былъ зажженъ свѣтъ, направлявшій его сердце ко всему доброму и просвѣтившій его умъ стремленіемъ къ познанію истины Христовой. Цѣлое поколѣніе его духовныхъ дѣтей, на протяженіи почти полувѣка, утояло свою духовную жажду отъ его чистаго сердечнаго источника. Быть можетъ, не одно сердце его бывшихъ питомцевъ забьется учащенно, узнавъ, что жестокая судьбина не миновала и его.

Не стану говорить о сердечной добротѣ и свѣтломъ созерцательномъ умѣ любимаго нами Алексѣя Осиповича: онъ всѣмъ намъ достаточно извѣстенъ. Пусть же будетъ его идеальный образъ путеводною звѣздою и въ нашей жизни, ибо, живя такъ, мы сохранимъ свою душу и приготовимъ ее къ безсмертію. А теперь вознесемъ свои горячія молитвы ко Всевышнему объ упокоеніи души близкаго нашему сердцу наставника—отца. Аминь“.

Воздавая покойному должное, Преосвященный Епископъ Іоаннъ самъ совершилъ чинъ отпѣванія (около 1 часа дня), въ сослуженіи ректора семинаріи архимандрита Варлаама, 6-ти городскихъ протоіереевъ: Ѡ. Лазурскаго, Гр. Лисовскаго, Н. Уралоуа, Гр. Гамалѣи, М. Тимошевскаго и Н. Копы-Оудѣнко и 12 священниковъ: Вл. Шитивскаго, І. Костецкаго, К. Гапановича, Ал. Чернышевскаго, П. Тарасевича, Д. Судакова, М. Филиппенко, Г. Тарасенко, В. Каменецкаго, С. Голоученко и пріѣзжихъ: Успенской церкви с. Мелеховъ, Лохвицкаго уѣзда, І. Колесникова и Преображенской церкви м. Опошни, Зѣньковскаго уѣзда, П. Кремьянскаго и 4-хъ діаконѡвъ: А. Илляшевича (вмѣсто протодіакона), Гр. Ильчинскаго, І. Терлецкаго и В. Чернявскаго. На отпѣваніи присутствовалъ и членъ-ревизоръ учебнаго комитета при св. Синодѣ Дм. Ив. Тихомировъ.

Предъ отпѣваніемъ, ректоръ семинаріи архимандритъ Варлаамъ обратился къ покойному съ такимъ словомъ:

„Возлюбленный братъ, почившій рабъ Божій Алексій!

Долгъ христіанина и сослуживца побуждаетъ меня сказать теперь тебѣ прощальное слово...

Я не буду много распространяться о томъ, каковъ ты былъ, какъ челоуѣкъ, потому что съ этой стороны другіе

тебя больше знают: неподдѣльная грусть сослуживцевъ и множества твоихъ питомцевъ достаточно говорить о твоёмъ нравственномъ обликѣ. Я хочу сказать о тебѣ, какъ о христіанинѣ, ибо съ этой стороны я узналъ тебя, несмотря на наше кратковременное общеніе.

День твоей земной жизни закатился на моихъ глазахъ. И вотъ, при взглядѣ на твое земное поприще, мнѣ припоминается одно слово апостола Павла. Апостоль изъ темничныхъ узъ, среди великихъ своихъ скорбей за дѣло проповѣди, писалъ о себѣ христіанамъ, что, если его узы кончатся смертью, онъ не только не смущается, не страшится, а даже радуется. Въ земной жизни у него было одно только утѣшеніе—Христось. Христось призывалъ его къ новой жизни и изъ гонителя сдѣлалъ апостоломъ; Христось обвѣселялъ его среди бѣдствій апостольскаго служенія; Онъ исцѣлялъ его многочисленныя раны; Онъ услаждалъ скорбный и тернистый его путь. Поэтому, мысль о смерти не только его не смущаетъ, а преисполняетъ радостью. Да и какъ не радоваться?—Онъ, пріивши смерть, будетъ не на скорбной землѣ, а на блаженномъ небѣ, не среди гоненій, мученій, всюду разлитого зла, а въ царствѣ правды, истины, въ постоянномъ и преискреннемъ общеніи съ Иисусомъ превожделѣннымъ: и до этого онъ Имъ однимъ жилъ, къ Нему одному стремился. Высказывая все это, апостоль писалъ христіанамъ: для меня жизнь на землѣ—Христось, и смерть—пріобрѣтеніе; ради васъ, ради подвига проповѣди, я готовъ оставаться во плоти, при всемъ томъ имѣю непреодолимое желаніе „разрѣшиться и со Христомъ быти „(Фил. I, 21—23). Настроеніе возвышенное, идеальное было у апостола, исполненнаго небесныхъ дарованій...

Почившій собратъ Алексій! Какъ я былъ удивленъ и пораженъ, когда нѣчто подобное услышалъ я отъ тебя, когда, при первомъ знакомствѣ,—мы тогда другъ друга почти не знали,—ты начинаешь бесѣдовать со мной не о школѣ, не о присныхъ, а о великомъ смыслѣ смерти. Ты передавалъ, что день твоей жизни склоняется къ вечеру и ты этому радъ—и не потому, чтобы ты разочаровался въ жизни: въ ней ты много видѣлъ утѣшенія и добра, а потому, что просто пришло время и тебя туда влечетъ. Уразумѣлъ я тогда духомъ, что влечетъ тебя на небо новый лучшій міръ; ты утомился отъ скудныхъ земныхъ настроеній, тоскуешь

по бесконечно-полной небесной жизни. И дальше ты мнѣ сталъ повѣствовать о смерти нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей и повѣствовать съ умиленіемъ, какъ бы даже съ завистью, что они ушли раньше тебя къ твоему высокому полету духа...

Прошло послѣ того 4 мѣсяца—и я въ другой разъ былъ у тебя,—въ то время, когда болѣзнь приковала уже тебя къ одру и спиравшееся дыханіе не позволяло говорить. Шелъ я съ тѣмъ, чтобы успокоить тебя, поговорить о твоей болѣзни, выразить тебѣ неподдѣльное участіе, но, къ удивленію, мнѣ этого не пришлось сдѣлать. Прерывающимся отъ удушья голосомъ, постоянно употребляя усилія, то садясь, то поворачиваясь, то опять ложась въ постель, ты начинаешь мнѣ говорить—и о чемъ же?—о недостаткѣ идеализма въ современномъ обществѣ. Ты сокрушался о томъ, что и современные дѣятели, и интеллигенція и молодежь не преисполнены стремленія серіозно относиться къ жизни, не горятъ огнемъ воодушевленія и самоотверженнаго служенія; всѣ обмельчали, принизились, опошлелись... Впрочемъ, въ данное время ты замѣчалъ уже гдѣ-то какъ-бы начинающійся разсвѣтъ, что тебя и радовало. Съ этой возвышенной темы разговоръ нашъ, даже при моемъ намѣреніи разспросить тебя о болѣзни, такъ и не сходилъ. Примѣтилъ я здѣсь и твое великое спокойствіе въ болѣзни, а временами, когда чувствовалъ облегченіе,—и какую-то радость. Но чтобы при страшныхъ мукахъ недуга не только не жаловаться на боль, а даже вести бесѣду объ идеализмѣ, для этого дѣйствительно нужно быть великимъ идеалистомъ, дѣйствительно глубоко горѣть духомъ. И тутъ я, грѣшный, невольно умилился. Теперь, когда ты предлежишь предъ нами уже бездыханнымъ тѣлесно, я вслухъ всѣхъ повѣдаю о твоей скрытой добродѣтели, о твоёмъ идеализмѣ, о твоёмъ воздыханіи по горнемъ отечествѣ, о твоёмъ стремленіи ко Христу.

Ты исполнилъ завѣтъ Христа—бодрствовать и молиться, чтобы не пришелъ внезапно часъ смерти. Какъ вѣрный и благоразумный рабъ, ты ожидалъ возвращенія Господина и пришедшій Господинъ засталъ тебя бдящимъ. „Добрый и вѣрный рабъ, вниди въ радость Господа своего“,—Онъ тебѣ сказалъ въ часъ смерти. Если были при этомъ возвышенномъ настроеніи у тебя грѣхи немощи, то Господь ихъ проститъ, по своему милосердію, по молитвамъ св. Церкви,

наконецъ, по молитвамъ нашимъ и твоихъ многочисленныхъ питомцевъ. Съ своей стороны, и мы будемъ просить тебя, когда обрѣтешь ты дерзновеніе у возлюбленнаго тобою Господа, помолись Ему за насъ, походатайствуй предъ Нимъ о томъ, чтобы та великая любовь ко Христу, какую ты имѣлъ въ душѣ, осынила и наше сердце, чтобы не погразли мы окончательно въ морѣ зла и грѣха, чтобы жили мы не тяжелыми настроеніями плоти и земли, а настроеніемъ духа и неба,—радостными и вождѣнными, чтобы жизнью-ли нашей, смертью-ли славился Христосъ (Фил. I, 20) и чтобы, подобно тебѣ, и мы могли съ радостью ожидать пришествія Іисуса Сладчайшаго и взывать Ему: „осанна“!—Буди тако. Аминь“.

Во время отпѣванія, первое надгробное слово сказалъ воспитанникъ VI класса Парій Андрей, въ которомъ онъ, обращаясь къ слушателямъ; такъ характеризуетъ покойнаго наставника—„дѣдушку“:

„Возлюбленные други о Христъ!

Въ настоящую минуту мы предстоимъ въ святомъ этомъ храмѣ среди необычной обстановки, среди обстановки, чрезвычайно поражающей насъ своею особенностью. Средину храма занимаетъ столъ, на которомъ ясыо вырисовывается гробъ,—этотъ вещественный образъ смерти. Въ эту минуту всѣ мысли и взоры наши обращены къ нему, потому что гробъ этотъ скрываетъ въ себѣ останки близкаго намъ существа. Неумолимая смерть, полагающая предѣлъ этой бренной жизни человѣческой, приняла въ мощныя свои объятія того, кто еще такъ недавно былъ съ нами, питалъ насъ сѣменами ученія, кто былъ для насъ образцомъ доброты и чистосердечія. Жертвой этой, которую взяла отъ насъ смерть, является нашъ наставникъ—старецъ, дорогой Алексѣй Іосифовичъ.— не только нашъ наставникъ, но наставникъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодыхъ наставниковъ.

Признаюсь, что когда я въ первый разъ услышалъ эту печальную вѣсть, невольная боль защемила въ душѣ моей; подобное состояніе я замѣтилъ и на лицахъ моихъ товарищей при этомъ извѣстїи; да я вполне увѣренъ, что и на всѣхъ васъ эта утрата произвела удручающее впечатлѣніе, ибо многимъ мы обязаны покойному. И не таковъ былъ

Алексѣй Іосифовичъ, чтобы разставаніе его съ жизнью было встрѣчено болѣе или менѣе равнодушно нами.

Надолго сохранить память о покойномъ наша alma mater въ лицѣ многочисленныхъ своихъ питомцевъ, удостоившихся быть воспитанниками новопреставленнаго. Въ теченіи десятковъ лѣтъ Алексѣй Іосифовичъ былъ наставникомъ нашей семинаріи. Подъ его учительскимъ водительствомъ были еще многіе изъ нашихъ отцовъ, такъ что, по справедливости, онъ можетъ быть названъ учителемъ не одного только поколѣнія; неудивительно, поэтому, что онъ дождался имѣть въ своей педагогической средѣ преподавателей изъ бывшихъ своихъ питомцевъ.

Живо и ясно представляется мнѣ благообразный старецъ, мѣрно идущій медленнымъ шагомъ въ классъ, гдѣ присутствіе его особенно оживительно. Выраженіе лица спокойное, какъ теперь, пріятное, добродушное; добродушіе удивительное во всемъ его существѣ; голосъ медленный, мягкій, рѣчь нерѣдко пересыпанная легкой игривостью словъ, что производило пріятное впечатлѣніе на слушателей, привлекая ихъ вниманіе, теряющееся въ сухости словъ и оборотовъ языка (латинскаго), преподавателемъ котораго покойный состоялъ. Вообще, какъ наставникъ, Алексѣй Іосифовичъ стоялъ на высотѣ своего призванія. Особенно драгоценны были для насъ его внутреннія качества: кротость маститаго старца, добродушіе, мягкость сердца и его горячая любовь къ намъ. Намъ не безъизвѣстны случаи, когда покойный часто входилъ, что называется, въ критическое положеніе ученика, вызванное его поступкомъ, и, пользуясь своимъ авторитетомъ, подавалъ провинившемуся руку помощи. Очень больно приходится намъ теперь, когда видимъ его лежащаго во гробѣ. Съ грустью приходится намъ констатировать фактъ совершившейся смерти, когда хотѣлось бы, чтобы такой наставникъ и еще былъ среди насъ примѣромъ и образцомъ. Но что-жь! старость, угнетаемая болѣзью, и болѣзнь—эта родная дочь смерти, указали ему дорогу, предназначенную каждому смертному отъ вѣчности. Онъ умеръ, но память о немъ надолго останется у насъ, какъ о человѣкѣ,—человѣкѣ въ высшей степени гуманномъ въ отношеніяхъ къ своимъ питомцамъ. Доказательствомъ такихъ отношеній является уже то обстоятельство, что мы его, питомцы, не иначе называли его, какъ такимъ чисто род-

ственнымъ именемъ — дѣдушка. Такое названіе подходило, конечно, къ его преклонному возрасту, но оно выражало собою не только это внѣшнее сходство, а вытекало и изъ чистаго уваженія, которое мы питали къ нему. Теперь не стало нашего дѣдушки... Послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, смерть унесла его отъ насъ, сильнаго духомъ, твердаго волей, — качествами, отличавшими его на этомъ жизненномъ пути. Послѣднія не покидали больного и на одрѣ болѣзни. Тяжко страдая, покойный бодро смотрѣлъ на будущее; смерть встрѣтить онъ не боялся, такъ какъ ясно сознавалъ, что послѣдняя есть прямая дорога къ Тому, Который сказалъ: „Приидите ко Мнѣ трудящіися, и Азъ упокою вы“.

Теперь ты, добрый нашъ наставникъ, вступилъ на эту дорогу, ушелъ отъ насъ; но ушелъ съ чистою совѣстью, носителемъ которой ты былъ. Чистота совѣсти твоей оставить въ насъ, твоихъ питомцахъ, глубокую память о тебѣ, которая никогда не изгладится изъ нашей души. Прими-же теперь отъ насъ послѣднее прости!“

Затѣмъ, также во время отпѣванія, воспитанникъ V класса Авраменко Павелъ сказалъ слѣдующее слово:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

Нашему взору, возлюбленные, предлежитъ бездыханный прахъ незабвеннаго дѣдушки — наставника Алексѣя Осиповича.

Давно уже покойный страдалъ тяжкимъ и мучительнымъ недугомъ и давно уже боялись мы, какъ бы этотъ недугъ не сломилъ его старческихъ силъ. Каждый изъ насъ сознавалъ и еще больше чувствовалъ своей душой, что такая потеря, какъ потеря незабвеннаго Алексѣя Осиповича, едва-ли могла бы быть учтена. И Алексѣй Осиповичъ не хотѣлъ оставить насъ сиротами. Онъ не могъ не чувствовать, что никто не въ силахъ будетъ замѣнить его по своей все намъ прощающей и все извиняющей любви. Мужаясь, онъ, по прежнему, посѣщалъ, согрѣвалъ и умиротворялъ насъ своей обаятельной личностью. Но вотъ, мѣсяць тому назадъ, недугъ снова и уже съ неотразимой силой овладѣлъ имъ. Съ трепетомъ и замираніемъ сердца слѣдили мы за ходомъ его болѣзни, отгоняли отъ себя мрачныя мысли будущаго, надѣясь снова, какъ и прежде, увидѣть его кроткій и милый обликъ въ стѣнахъ нашего заведенія. И вотъ

разнеслась скорбная вѣсть, что дорогого дѣдушки не стало. Въ первыя минуты мы безусловно отвергали эту печальную, черную вѣсть, такъ какъ не могли примириться съ тѣмъ, что лишились добросердечнаго и готоваго всегда помочь намъ наставника. Но неумолимый общій законъ природы рѣшительно отвѣтилъ намъ: „дни человѣка—какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ,—пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ—и нѣтъ его и мѣсто его уже не узнаетъ его“ (ис. 102, 15, 16). И дѣйствительно, сѣкира смерти коснулась самаго корня его жизни и онъ теперь лежитъ во гробѣ въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ прежде молился вмѣстѣ съ нами. Какія тяжелыя минуты мы переживаемъ! Богъ постигъ насъ великою скорбью: всѣ, сколько-нибудь знавшіе его, понесли великую, незамѣнимую утрату. Какъ намъ не печалиться, лишившись добрѣйшаго и любимѣйшаго наставника нашего и отца! Какъ намъ не скорбѣть, утерявъ человѣка, всегда умѣвшаго съ теплымъ участіемъ указывать прямой, вѣрный путь въ жизни! Какъ намъ примириться съ тѣмъ, что теперь уже нѣтъ того, къ кому мы съ любовью питали глубокое уваженіе и безконечную преданность! Безысходная тоска гнететъ и гложетъ наши сердца... Вѣдь, никто не могъ сказать о немъ худого слова. Вѣдь, всѣ безконечно любили его, основывая свою любовь исключительно на его личныхъ качествахъ. Кто изъ его бывшихъ питомцевъ не воспроизведетъ съ свѣтлой душой то время, когда онъ училъ насъ съ классной каѳедры! Предъ нами рельефно вырисовываются тѣ безчисленные, непрерывные моменты, въ которыхъ открывались его доброе сердце, справедливость и добросовѣстное отношеніе къ своему 42-хъ-лѣтнему труду. Кого изъ насъ не удивляли то благодущіе и спокойствіе, съ которыми онъ переносилъ всѣ житейскія невзгоды и тревоженія! У кого изъ насъ не обольется кровью сердце, кто изъ насъ не заплачетъ въ эту тяжелую минуту! И печаль наша весьма умѣстна, слезы естественны. Если самъ Податель жизни, Жизнодавецъ Иисусъ Христосъ прослезился надъ тѣломъ Лазаря, то мы, слабые и немощные, можемъ ли удержаться отъ слезъ и воплей при разлукѣ съ Алексѣемъ Осиповичемъ! Вѣдь, глаза наши больше не увидятъ его, и голосъ его не скажетъ намъ слова привѣта.

При мысли о всемъ этомъ невольно просятся слезы изъ глазъ, слезы не отчаянія, а преданности волѣ Божіей, слезы

надежды, что почившій снова увидится съ нами въ обители Отца небесъ, такъ какъ приговоръ Творца звучитъ надъ каждымъ изъ насъ: „земля еси и въ землю отыдеши.“ — „Смерть мужу—говоритъ книга жизни—покой“ (Говъ II, 23). Смерть истиннаго христіанина есть роженіе въ вѣчную блаженную жизнь. И мы, возлюбленные, будемъ надѣяться, что оставившій насъ наставникъ, какъ истинный христіанинъ, перешелъ въ лучшую жизнь, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.“ Но такъ какъ „нѣсть челоувѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ“, то все, что лучшаго мы можемъ сдѣлать для почившаго, это — молиться о томъ, чтобы всеблагій Богъ простилъ ему всѣ согрѣшенія—вольныя и невольныя и упокоилъ его со святыми.

Видя въ послѣдній разъ незабвеннаго Алексѣя Осиповича, мы хотимъ спросить, узнать его послѣднюю волю. Но онъ молчаливъ, его уста сомкнуты... Однако, есть слово, которое краснорѣчиво говоритъ за себя. Слово это—его жизнь и благотворные труды его. Великое утѣшеніе испытываетъ душа отца, когда онъ видитъ дѣтей, слѣдующихъ его завѣщанію. Такую же отраду мы доставимъ и нашему дорогому Алексѣю Осиповичу, неуклонно слѣдуя его примѣру и завѣщаніямъ. А вѣдь много есть хорошихъ душевныхъ свойствъ покойнаго, коимъ намъ слѣдуетъ подражать.

Тебѣ же, дорогой наставникъ, скажемъ въ напутствіе: иди, честный труженикъ и добрый челоувѣкъ, на тотъ путь, къ которому зоветъ тебя Господь, и прости насъ, многократно огорчавшихъ тебя. Мы же навсегда сохранимъ твой свѣтлый образъ, который будетъ согрѣвать наши сердца и вызывать въ нихъ горячія молитвы къ Богу—о томъ, дабы Онъ упокоилъ тебя, идѣже вси святіи упокоиваются“.

Далѣе, преподаватель семинаріи Вл. Н. Терлецкій, въ своемъ краткомъ, но, по обыкновенію, сильномъ словѣ, обращенномъ къ питомцамъ, сказалъ слѣдующее:

„Дорогіе питомцы!“

Много полезныхъ уроковъ преподалъ намъ при своей жизни почившій, дорогой и незабвенный Алексѣй Осиповичъ. Теперь мы его уже болѣе не услышимъ. Но пока

мы его еще видимъ. Видимъ, правда, недвижима и безгласна; видимъ застывшія, окаменѣлыя черты, уносящія съ собою въ могилу тайну мертвыхъ, недоступную и непостижимую для живыхъ. Но эти знакомыя, дорогія черты такъ живо напоминаютъ намъ, такъ ярко восстанавливаютъ въ памяти свѣтлый образъ живого Алексѣя Осиповича.. Поэтому, прежде чѣмъ воздать почившему послѣднее цѣлованіе, оживимъ въ нашей памяти его свѣтлый образъ и попросимъ дать намъ еще одинъ и послѣдній урокъ. Какой же это урокъ?... Почившій былъ несловоохотливъ и немногословенъ. Онъ выражался кратко, но мѣтко. И его послѣдній урокъ, послѣдній завѣтъ намъ также кратокъ и можетъ быть формулированъ такъ: „человѣкъ онъ былъ и намъ такими велѣлъ быть“...

Да, почившій—человѣкъ былъ, человѣкъ—въ лучшемъ, высококомъ и благородномъ значеніи этого слова.

И развѣ это не правда? Развѣ у всѣхъ насъ не сохранились о почившемъ самыя лучшія воспоминанія? Кто слышалъ отъ него рѣзкое, крикливое слово гнѣва, строгаго прещенія и укора?... Кто не встрѣчалъ, наоборотъ, со стороны почившаго самаго привѣтливаго, ласковаго, добродушнаго отношенія, которое обычно растворялось мѣткимъ словомъ остраго малороссійскаго юмора? Ученики его хорошо помнятъ, какъ почившій этимъ юморомъ оживлялъ преподаваніе даже мертваго языка.

Присущія почившему свѣтлыя черты истинной человѣчности привлекали къ нему общія симпатіи и устанавливали прочную связь... Пусть же эта связь не прекратится и послѣ смерти! Пусть свѣтлый образъ почившаго наставника навсегда сохранится въ нашей памяти, а вмѣстѣ съ тѣмъ пусть навсегда и прочно утвердится въ нашемъ сознаніи послѣдній урокъ, послѣдній завѣтъ, оставляемый имъ намъ,— великій завѣтъ человѣчности. А какъ необходимъ для насъ этотъ урокъ—особенно въ настоящее время, время рѣзкаго одичанія и огрубѣнія нравовъ, которое, увы! коснулось и нѣжныхъ юныхъ душъ молодого поколѣнія!—Будемъ же, дорогіе питомцы, твердо помнить этотъ урокъ. А теперь, съ своей стороны, принося почившему земной поклонъ и послѣднее цѣлованіе, вознесемъ теплыя молитвы объ упокоеніи души его въ свѣтлыхъ обителяхъ небесныхъ“.

И какъ-бы откликомъ на этотъ призывъ было тихое, и нѣжное: „Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего“.

Наконецъ, послѣднее „прости“ въ семинарскомъ храмѣ сказалъ своему наставнику — человѣку воспитанникъ VI класса Ковба Иванъ.

„Друзья и братья, зачѣмъ это мы собрались сюда? спрашиваетъ онъ и затѣмъ отвѣчаетъ,—мы собрались отдать послѣдній долгъ праху дорогого намъ человѣка. Еще недавно этотъ дорогой человѣкъ посѣщалъ свое любимое заведеніе, въ которомъ самъ когда-то учился и потомъ училъ другихъ. Но вотъ болѣзнь совсѣмъ разстроила его и безъ того слабое старческое здоровье—и нестрашимое міровое зло смерть отняла его у насъ уже навсегда. Умеръ одинъ человѣкъ, но съ нимъ многое умерло. Умеръ отецъ, другъ и талантливѣйшій и незамѣнимый наставникъ. Какъ любящій отецъ всегда печется о своихъ дѣтяхъ, такъ и онъ всегда заботился о насъ и нашихъ отцахъ. Какъ искренній другъ остерегаетъ своихъ друзей отъ всего худого и недобраго, такъ и онъ постоянно берегъ насъ отъ всего нечистаго и направлялъ нашъ умъ ко всему высокому и святому. Минуты невольно воспоминаются тѣ его совѣты, которые онъ давалъ намъ, когда мы, тревожимые различными сомнѣніями и событіями, съ наболѣвшимъ сердцемъ спрашивали его: какъ быть?—И онъ, спокойный, убѣленный сѣдинами опыта, говорилъ: больше думайте, взвѣшивайте каждый свой шагъ, будьте осмотрительны и осторожны, а главное—и что важнѣе всего, такъ это — старайтесь, чтобы каждый изъ васъ, гдѣ-бы онъ ни былъ, былъ прежде всего человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Развѣ важны аттестаты или карьера?—Важенъ прежде всего человѣкъ. И онъ самъ, по истинѣ, былъ человѣкомъ. Это была одна изъ прекраснѣйшихъ и гуманнѣйшихъ душъ, которыя все рѣже и рѣже встрѣчаются, несмотря на культуру и прогрессъ. На все онъ отзывался и о всемъ могъ судить. Это былъ незамѣнимый наставникъ намъ и нашимъ отцамъ. Это былъ тотъ вѣрный рабъ Божій, который не зарылъ своихъ талантовъ, не развѣялъ ихъ въ пустыхъ развлеченіяхъ, не сгноилъ ихъ въ лѣни и апатіи и въ старческомъ разслабленіи, ибо онъ до самыхъ послѣднихъ дней, не переставая, не опускаясь, учился—уча и училъ—учась. Это неустанно рабочій, развивающійся умъ, которому ничто общечеловѣ-

ческое не было чуждо, ничто—отъ древнихъ еврейскихъ писаній и классической мудрости и до умственныхъ открытій нашего послѣдняго, дѣйствительно, въ небывалыхъ размѣрахъ развитого вѣка. Это, дѣйствительно, одинъ изъ рѣдкихъ умовъ, который исполнялъ очень тяжелую въ нашъ вѣкъ заповѣдь Христову: „испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный“, и въ то же время имѣлъ рѣдкій даръ не уклоняться отъ заповѣди и св. апостола Павла: „вся испытующе, добрая держите“. Отсюда становится понятнымъ, почему онъ имѣлъ такое широкое, неотразимое и общепризнанное вліяніе на всѣ курсы своихъ питомцевъ. Отсюда понятны тѣ добрыя чувства нашихъ отцовъ, которыя охватываютъ ихъ души при воспоминаніи о дорогомъ Алексѣѣ Осиповичѣ. Но еще больше и насъ, и нашихъ отцовъ поражала та необыкновенная и рѣдкая доброта и кротость, которая была въ немъ. Всегда онъ привѣтливый, всегда ласковый, всегда готовый смягчить всякій раздоръ, не только словомъ и дѣломъ, но молчаніемъ и уклончивостью, всегда старающійся даромъ своего добраго сердца повѣять и на другихъ. И насъ, при видѣ этого добраго и кроткаго старца, всегда схватывало какое-то чувство мира, желанія быть добрыми и стремиться ко всему хорошему, святому и идеальному. Но нѣтъ добра безъ худа: и добротой добрѣйшаго злоупотребляли и мы, и наши отцы, а потому, преклоняясь предъ твоимъ прахомъ, незабвенный Алексѣй Осиповичъ, мы просимъ: прости насъ, прости, прости“!..

Вотъ уже прочитана и „разрѣшительная“ молитва (читалъ протоіерей Гр. Лисовскій), отдано живыми мертвому послѣднее цѣлованіе, пронеслось заунывно—протяжное „Вѣчная память,“ Преосвященный посыпалъ землю прахъ покойнаго—и крышка гроба навѣки сокрыла отъ насъ тихое, спокойное лицо нашего дорогаго сослуживца и наставника, а онъ навсегда покинулъ стѣны того заведенія, въ которомъ прослужилъ почти 42 года...

Непосредственно послѣ отпѣванія, окончившагося въ 3 часа дня, похоронная процессія, сопровождаемая сослуживцами покойнаго и его питомцами, а также массой народа, двинулась на городское кладбище, при чемъ гробъ несли всю дорогу воспитанники семинаріи. Въ процессіи участвовали: ректоръ семинаріи архимандритъ Варлаамъ, протоіерей:

Гр. Лисовскій, Н. Ураловъ, и М. Тимошевскій и священники: П. Тарасѣвичъ, Ѳ. Булдовскій, Г. Тарасенко и С. Головченко и 3 діакона. Процессію сопровождалъ и ре-визоръ Дм. Ивановичъ Тихомировъ. Передъ Епархіальнымъ женскимъ училищемъ, гдѣ служилъ покойный, равно какъ и противъ каждой церкви по пути, процессія останавливалась для провозглашенія ектеніи.

Послѣднее прощальное слово учителю—дѣдушкѣ сказалъ на могилѣ воспитанникъ VI класса Матвѣевскій Михайлъ.

„Дорогой учитель“!

Еще нѣсколько минутъ, еще мгновенье—и мы навѣки разстанемся съ тобой. Эта сырая и холодная могила навсегда скроетъ отъ насъ твой бездыханный прахъ. И только небольшая насыпь да крестъ, съ надписью на немъ, будутъ говорить, что здѣсь ты почиваешь.—Но, нѣтъ! мы вѣруемъ и твердо убѣждены, что не умеръ ты, дорогой нашъ учитель-дѣдушка: свѣтлый твой умъ и чистая душа твоя безсмертны; мертва же нынѣ только ихъ оболочка. Да, духъ твой безсмертенъ, ибо отпечатлѣнъ въ сердцахъ многочисленныхъ твоихъ учениковъ. Одни изъ нихъ, подвизаясь на различныхъ поприщахъ жизни, слѣдуютъ твоимъ указаніямъ, а тѣ изъ нихъ, которымъ пришлось трудиться на одномъ съ тобой поприщѣ,—истины, которыя ты имъ внушалъ, передаютъ и своимъ ученикамъ, тѣ же—дальше... Словомъ, плоды твоего служенія обществу вполне можно сравнить съ зерномъ горчишнымъ, которое хотя и меньше другихъ сѣмянъ, но, когда вырастаетъ, становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его (Матѣ. 13, 32).

Да, безсмертна твоя дѣятельность, ибо за тобой въ міръ загробный пойдутъ и дѣла твои. И мы уповаемъ, что для тебя, праведный старецъ, смерти нѣтъ, ибо умеръ ты о Господѣ. Вѣдь, ты всю жизнь свою отдалъ на служеніе школѣ и отчизнѣ. Ты принялъ на себя великій трудъ—воспитывать наставниковъ и руководителей общества и вотъ, на этомъ многотрудномъ пути и прекратилась дорогая для насъ твоя жизнь.—Иди же съ миромъ, праведный старецъ, въ далекій путь!... Мы же, товарищи, оставшіеся его ученики, постараемся продлить его святое дѣло и, предстоя здѣсь, у могилы своего учителя, пообщаемъ себѣ въ жизни

во всемъ ему слѣдовать. Пусть высокія качества его чистой души—твердая вѣра въ Бога, любвеобильность сердца и смиреніе духа станутъ идеей нашей жизни, на какомъ бы поприщѣ намъ ни пришлось трудиться; пусть эта идея послужитъ намъ путеводной звѣздой, дабы, на закатѣ нашей жизни, и мы, какъ почившій учитель, съ чистою совѣстью могли сказать: „да, не напрасно я жилъ“...

Вотъ, пронеслось по кладбищу послѣднее „Вѣчная память“... Послышался глухой стукъ земли о крышку гроба; наконецъ, весь гробъ покрылся землею—и въ 4¹/₂ часа дня все кончено...

Спи же, простой, честный и добрый человѣкъ, тѣмъ мирнымъ и спокойнымъ сномъ, какъ мирна и спокойна была и твоя жизнь!...

З. П. Ольскій.

Къ характеристикѣ русскаго социализма.

Я буду говорить не о томъ социализмѣ, который излагается безпристрастными учеными въ ихъ научныхъ трудахъ, а о томъ социализмѣ невѣжественной толпы, который однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей партіи народной свободы¹⁾, какъ извѣстно, сочувствующей социаль-демократіи, названъ былъ публично „безграмотнымъ русскимъ социализмомъ“. Отзываясь такъ о русскомъ социализмѣ, этотъ ученый имѣлъ въ виду, очевидно, тотъ общеизвѣстный фактъ, что всякое научное положеніе, дѣлаясь достояніемъ лицъ, не получившихъ никакого общаго образованія и не имѣвшихъ до сей поры прочныхъ нравственныхъ устоевъ, неизбѣжно превращается въ узко-эгоистическій, чловѣконенавистнический взглядъ и доводится до явной нелѣпости.

Мы вполне согласны съ такимъ мнѣніемъ; прибавимъ только отъ себя, что это явленіе у насъ въ Россіи далеко не ново. Людей, которые безъ разбора начинались современной т. н. передовой литературой для того, чтобы имѣть пра-

¹⁾ Проф. Милюковъ на одномъ изъ районныхъ собраній Тверской группы въ училищѣ Мазинга, въ январѣ 1906 года.

Во кичиться передъ другими своей необыкновенной ученостью и либеральностью, у насъ было всегда много. Эти люди всегда поражали своей необыкновенной болтливостью и отсутствіемъ дѣла; если же они дѣйствовали, то поступки ихъ производили впечатлѣніе чего-то большого, жестокаго и нелѣпаго. Прежде смотрѣли на нихъ, какъ на карикатуры: они возбуждали и смѣхъ, и жалость. Серьезные люди всегда избѣгали такихъ непризнанныхъ героевъ, воображавшихъ себя Геростратами и сверхчеловѣками, за ихъ необыкновенную самовлюбленность и отсутствіе элементарнаго уваженія къ другой личности: обиденныхъ людей они отталкивали самі съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Въ наше переходное время эти уродливые типы подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ теченій получили полныя права гражданства. М. Горькій дѣлаетъ эти типы героями своихъ пьесъ, тѣмъ самымъ давая понять обществу, что они въ высшей степени желательны въ смыслѣ постоянно возбуждающей силы, въ смыслѣ своего рода политическихъ дрожжей. Допуская вполнѣ, что при написаніи своихъ пьесъ М. Горькій руководствовался идеей развитія общественнаго самосознанія, мы должны отмѣтить слѣдующій фактъ весьма некрасиваго свойства: М. Горькій, безъ сомнѣнія, сознавалъ, что эти типы не нормальны, отрицательны, онъ сознавалъ также, что самосознаніе, основанное на невѣрно понятомъ, бессистемномъ чтеніи научныхъ книгъ, статей, брошюръ („числомъ побольше, цѣной подешевле“), на зависти, злобѣ и ненависти, можетъ служить лишь причиной личнаго несчастья (напр., Тетеревъ, Петръ, Татьяна въ „Мѣщанахъ“). Несмотря на это, М. Горькій все-таки идеализировалъ ихъ; ему нужно было поднять общественное самосознаніе, *во что бы то ни стало*; не было самосознанія естественнаго, такъ нужно было создать самосознаніе искусственное. Что за бѣда, если часть чистой молодежи, увлекшись его мѣщанскими героями, будетъ подражать имъ и неминуемо погибнетъ въ борьбѣ за существованіе! что за бѣда, если ихъ искусственно повышенное самосознаніе будетъ вытекать не изъ сознанія цѣнности отдѣльной человѣческой личности самой по себѣ, а изъ грубыхъ эгоистическихъ побужденій (Ниль въ „Мѣщанахъ“)! Зато они подготовятъ почву луч-

пему человѣку, который воспользуется ею для выполненія идеи всеобщаго благосостоянія. Предоставляя совѣсти М. Горькаго рѣшать, насколько подобное водительство честно, мы должны отмѣтить весьма грубую логическую и историческую ошибку во всѣхъ такихъ разсужденіяхъ объ общемъ благѣ. Кто можетъ серьезно повѣрить, чтобы человѣкъ, систематически воспитывающій себя въ неуваженіи къ личности и собственности другого, къ наукѣ, религіи и государственности, могъ бы быть строителемъ новой жизни на началахъ строгой справедливости? Несомнѣнно, никто. Развращенные совершенно, вѣрнѣе—запутавшіеся въ противорѣчійхъ, эти вѣстники несчастья и разложенія неукоснительно будутъ уничтожены въ жестокой борьбѣ за существованіе, и моментъ новой нормальной жизни будетъ отмѣченъ именно отсутствіемъ подобныхъ типовъ. Эти несчастные, появляясь въ обществѣ, служатъ послѣднему живымъ укоромъ за то, что всѣ предупредительныя средства имъ легкомысленно упущены, и болѣзнь грозитъ серьезно всему организму. Общество бросается лѣчиться, черезъ нѣкоторое время болѣзнетворные элементы дѣлаются безвредными, исчезаютъ, и общество вступаетъ на прежній мирный путь свободнаго развитія. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить французская революція. Никогда еще, кажется, не лилось столько невинной человѣческой крови, никогда неумолимая злоба не шла руку объ руку съ мечтами объ общемъ благѣ, свободѣ, равенствѣ, и братствѣ! Всевозможныя звѣрства совершались во имя великой идеи, вѣками накопленная злоба вырвалась наружу и бушевала безнаказанно. Стыдась этой рабской низменной злобы, совѣсть народа прикрывалась великими принципами;—вся поземельная аристократія и масса невинныхъ уничтожались во имя свободы, равенства и братства. Какой же результатъ? Достигъ ли французскій народъ свободы, равенства и братства? Изъ развалинь, обильно смоченныхъ слезами и невинной кровью несчастныхъ, возстало ли великое царство справедливости, общаго блага? Ничего подобнаго. Вотъ что говоритъ по этому поводу проф. Иванюковъ. „Анализъ причинъ несбывшихся надеждъ показалъ, что законодательство французской революціи соотвѣтствовало, какъ нельзя болѣе, интересамъ обогатившагося и образованнаго средняго сословія, предста-

вителя движимаго капитала, сломившаго, послѣ вѣковой борьбы, поземельную аристокрацію. Дѣйствительность скоро показала, что безграничная свобода промышленности, труда, собственности, *новая политическая организація государства* составляютъ прямой интересъ представителей капитала и крайне неблагоприятны для представителей труда. Но когда это обнаружилось и было понято, *третье сословіе (tiers etat) перестало уже бытъ представителемъ интересовъ народа, какъ оно о себѣ думало въ эпоху французской революціи, и выродилось въ современную буржуазію, управляющую страной по преимуществу въ собственныхъ интересахъ*¹⁾. Итакъ, люди свергли во имя общаго блага тиранію короля и аристократіи, надавали обѣщаній голодной массѣ и кончили тѣмъ, что отдали эту массу въ кабалу капиталистамъ, а сами почили на лаврахъ, забывъ, конечно, вознаградить себя за мнимыя заслуги передъ родиной! Не въ этой ли развязкѣ драмы заключается *величіе* французской революціи, о которомъ, захлебываясь отъ восторга, говорятъ тайные и явные поборники вооруженнаго возстанія, наши доморощенные социалисты? Столь же мало утѣшительные для социалистовъ примѣры можно найти въ нѣмецкой книги Leopold Katscher. Soziale und andere interessante Geweinwesen. 1906. Вотъ наиболѣе типичные изъ нихъ. Ново-австралійцы послѣ забастовки 1892 года переселились въ Парагвай и устроили тамъ социалистическое общежитіе. Это были люди сильные плотію и духомъ, люди къ тому же состоятельные (въ члены *допускались* лишь лица съ паемъ въ 60 ф. стерлинговъ, т. е. 600 р.). И что же? Не успѣли еще они доѣхать до мѣста своего назначенія, какъ начались нескончаемые споры, которые до такой степени надоѣли самому руководителю, что тотъ просилъ уволить его отъ руководства. Всякая мелочь (порція молока, вина) вызывала безконечные споры. Нужно ли говорить, что всѣ надоѣли другъ другу до тошноты, и общество распалось? Въ 1886 году было основано общество на началахъ общей земельной собственности („націонализація земли“) инженеромъ Оуе-

¹⁾ Проф. И. И. Ивановъ. Очеркъ экономической политики. Прил. къ „Вѣстнику и Библиотекѣ Самообразованія“ за 1904 г. (январь). Курсивъ нашъ.

номъ въ Тополобемпо, въ Мексиканской провинціи Синалоа, на берегу Калифорнскаго залива. Несмотря на энергичное содѣйствіе со стороны, въ 1895 году оно прекратило свое существованіе.

Изъ этихъ фактовъ и массы ему подобныхъ до очевидно-сти явствуетъ, что идея общаго блага, кромѣ собственной сердечной чистоты, требуетъ еще самоотверженности, самоотреченія, беззавѣтной любви къ ближнимъ *всѣмъ безъ исключенія*, непреклоннаго желанія итти впередъ по пути нравственнаго совершенствованія и никогда, ни подъ какими оправданіями, не пользоваться способами борьбы, противными совѣсти. Въ этомъ стремленіи къ осуществленію общаго блага можетъ быть лишь одно страдательное лицо, это—самъ исповѣдующій идею общаго блага; идея общаго блага нераздѣльно связана съ идеей самоотреченія. М. Горькому, одному изъ творцовъ нашего безграмотнаго социализма, не мѣшало бы принять это къ свѣдѣнію и перестать расплывать свои злобные типы, которые, много говоря о собственномъ достоинствѣ, не имѣютъ даже приблизительнаго понятія, что такое уваженіе къ человѣческой личности вообще. Несмотря на этотъ *маленькій* недостатокъ, эти люди претендуютъ на строительство новой жизни, которая должна закрѣпить въ сознаніи народа мысль объ *абсолютной цѣнности* человѣческой личности. Не хотятъ ли повторить урокъ французской революціи? Несомнѣнно, только превращеніе третьяго сословія въ буржуазію имъ не по душѣ; это—слишкомъ ничтожная награда за труды передъ родиной. Если трудиться, такъ уже для того, чтобы объявить диктатуру пролетаріата и потомъ превратить послѣдній въ правящую... аристократію ¹⁾. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ повторять ошибки прошлаго и подражать наивнымъ французамъ!

Обсуждать положенія этого социализма—трудъ громадный и неблагодарный, такъ, какъ не смотря на официальные программы партій, міровоззрѣніе участниковъ ихъ не поддается точной передачѣ влѣдствіе полнаго хаоса и логическихъ противорѣчій въ ихъ головахъ. Отсутствіе основъ, даваемыхъ серьез-

¹⁾ См. дѣло о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ и московскомъ возстаніи.

нымъ общимъ образованіемъ, сдѣлало то, что каждый русскій соціалъ-демократъ можетъ съ гордостью человѣка, признающаго стоющимъ вниманія только собственную личность, сказать: „я одинъ составляю собственную партію!“

Теорія научнаго соціализма, одна изъ теорій т. н. экономической политики, возникла на почвѣ гражданскихъ и экономическихъ отношеній Запада; она неразрывно связана съ его жизнью, съ его историческими особенностями. Вотъ почему разсматривать соціализмъ независимо отъ національныхъ особенностей, считать его ученіемъ космополитическимъ, годнымъ для всякой другой страны,—значитъ либо сознательно лгать, либо говорить о томъ, о чемъ не имѣешь никакого представленія. Слѣдуетъ замѣтить также, что кромѣ соціализма существовали и существуютъ другія теоріи экономической политики; нѣкоторыя изъ нихъ считались въ былое время общепризнанными, несомнѣнными, и теперь еще есть масса лицъ, которыя, расходясь съ ними въ частностяхъ, на неточность которыхъ указала жизнь, согласны съ ними въ принципѣ. Представляя нашимъ читателямъ самимъ ознакомиться съ экономическими теоріями Адама Смита, Рикардо, Мальтуса и др. (хотя бы по цитированной книжкѣ проф. Иванскова), мы позволяемъ себѣ привести лишь дословно мнѣнія двухъ величайшихъ мыслителей древности,—Аристотеля, философа естествоиспытателя, и Платона, философа теоретика, относительно общественныхъ отношеній и общаго блага. „Сама природа создала рабство“, говоритъ Аристотель. „Въ человѣческой природѣ встрѣчаются личности, настолько же уступающія другимъ, насколько тѣло уступаетъ душѣ, или насколько животное стоитъ ниже человѣка; это—существа, способныя къ одному только физическому труду и неспособныя ни на какое болѣе совершенное занятіе. Существа эти самой природой осуждены на рабство, ибо самое лучшее для нихъ—это повиноваться. Изъ этихъ принциповъ мы должны, стало быть, заключить, что природа создаетъ однихъ людей для свободы, а другихъ для рабства, что польза и справедливость требуютъ, чтобы рабъ повиновался“. Платонъ, создавшій впервые идею свободнаго государства на началахъ всеобщаго равенства, требуетъ между тѣмъ, чтобы

правомъ *какого бы то ни было начинанія*, инициативы пользовались въ этомъ государствѣ только люди ученые. „Однимъ *по самой своей природѣ* надлежитъ браться за философію и начальствовать въ обществѣ, а другимъ и не браться за нее, но слѣдовать правителю“ („Государство“ 474, С). Не говоря уже о мнѣніи Аристотеля, отъ котораго съ социаль-демократами всѣхъ толковъ дѣлается почти апоплексическій ударъ (несмотря на то, что это мнѣніе—лишь добросовѣстное мнѣніе естествоиспытателя, отмѣтившаго безпристрастно всюду тогда существовавшія отношенія такого рода), не говоря объ ошибочномъ мнѣніи относительно научной *иссомынности социализма*, какъ теоріи, мнѣніе Платона о господствѣ лучшихъ людей (ученыхъ) считается социаль-демократами мнѣніемъ отсталаго аристократа (Платонъ *имѣлъ несчастье* принадлежать къ старинному аристократическому роду), и измѣнившаго своей идеѣ всеобщаго равенства, мнѣніемъ, вытекающимъ якобы изъ отвращенія къ низшимъ массамъ народа. Такъ сказалъ... Карлъ Каутскій ¹⁾. „Самъ“ вождь социалистовъ говоритъ такъ, неужели мы осмѣлимся сказать что либо противъ? Великій Платонъ гениальнѣйшій философъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, неизмѣнный учитель всѣхъ честныхъ, стремившихся къ истинѣ свѣточей человѣчества, и Карлъ Каутскій, неразборчивый угодникъ невѣжественной толпы,—дѣйствительно, что можетъ быть общаго у нихъ?—Не съ презрѣніемъ смотрѣлъ великій Платонъ на такихъ и подобныхъ имъ людей, жалость закрадывалась въ суровое сердце мыслителя и звала его неотступно на поприще служенія и просвѣщенія темныхъ массъ и лицъ, сознательно или безсознательно эксплуатировавшихъ эту темноту. Великій философъ, впервые съ такой рельефностью указавшій на высокую цѣнность и величіе человѣческой личности, не могъ относиться съ презрѣніемъ къ меньшому брату своему; самый фактъ созданія его государства достаточно говоритъ объ этомъ. Итакъ самъ Каутскій отрицаетъ платоновскій аристократизмъ духа, кстати сказать, во всѣ времена принятый всѣми лучшими людьми, сознательно и честно стремившимся къ истинѣ и прогрессу;

¹⁾ К. Каутскій Платоновскій и древне-христіанск. коммунизмъ. С.-П. Б. 1905.

можно поэтому судить, во что превратилось это отрицание, въ головахъ нашихъ доморощенныхъ социалистовъ. Безграмотно понятое учение нѣмецкаго философа Фридриха Нитцше (1844—1900), проповѣдь М. Горькаго и „подмаксимковъ“ о сознаниіи собственнаго достоинства (мы видѣли цѣнность этой проповѣди,) рабское подражаніе во взглядахъ на женщину, собственность и. т. д. полуобразованнымъ, а потому одностороннимъ социалистамъ (Бebelъ, Каутскій etc.), главнымъ же образомъ отсутствіе твердыхъ воспитательныхъ основъ создали на русской почвѣ типы поразительно нелѣпые. Русское общество почувствовало, „какъ будто его отдали на медленное съѣденіе тиграмъ“, какъ будто его окружила дикая орда татаръ или гунновъ, готовая похоронить подъ копытами своихъ ужасныхъ коней культурную работу лучшихъ людей человѣчества. Наука и ея представители объявляются буржуазіей (ругательное въ устахъ демократіи слово), религія—отжившей игрушкой взрослога человѣка; честь—пережиткомъ глупой старины, совѣсть—пугаломъ, мѣшающимъ жить, любовь нелѣпой сентиментальностью, присяга—актомъ злѣйшей эксплуатаціи сильныхъ и. т. д. Ничего святого не оставляется, все опошляется, все уничтожается. Что же создается? Нужно-ли говорить, что такіе люди *психологически* ничего не *могутъ* создать. Не завидуемъ мы такимъ людямъ! Года пройдутъ, ключемъ бьющая жизнь войдетъ въ норму (если только разумъ не помутится отъ массы вопіющихъ противорѣчій), а въ душѣ останется непріятный осадокъ злобы, ненависти къ людямъ и темная непроглядная ночь! Ничего святого, за исключеніемъ ноющей отъ сознаниа совершенныхъ несправедливостей боли, при которой мечта о всеобщемъ благѣ становится ненужной, пошленькой. Хорошо благо, основанное на несчастіи другихъ!..

Мы высказали уже мнѣніе, что идея общаго блага неразрывно связана съ идеей духовнаго совершенствованія и послѣдовательнаго самотреченія, съ идеей *абсолютной* цѣнности человѣческой личности. Нечего и говорить, что идею эту цѣлкомъ игнорируютъ наши социалисты, предпочитая прикрывать свои дѣла болѣе удобнымъ принципомъ: „цѣль оправдываетъ средства“. Этотъ фактъ лишній разъ доказываетъ, что само-

сознаніе русскихъ массъ, создающихъ у насъ революцію, не является естественнымъ слѣдствіемъ предшествовавшаго умственнаго развитія, естественнымъ этапомъ этого развитія, но есть искусственно вызванный воздѣйствіемъ на низшіе животныя инстинкты подъемъ посьмъ, который пройдетъ почти совершенно безрезультатно для этихъ массъ и, хотя начнетъ собой эру новой жизни, не дастъ этимъ массамъ ничего, кромѣ внѣшнихъ, формальныхъ перемѣнъ—по той простой причинѣ, что своими поступками они совершенно скомпрометировали всѣ свои высокія идеи и показали свою неподготовленность къ воспріятію великой и отвѣтственной идеи свободы. Такова неумолима логика жизни.

Отрѣшимся однако на минуту отъ этой логики и станемъ на точку зрѣнія мечтаній нашихъ социалистовъ. Что было бы въ случаѣ успѣха нашей социаль-демократіи? Я привожу картину обсужденія этого вопроса на собраніи русскихъ социалистовъ въ Женевѣ, взятую мною изъ изданной еще въ 1879 году книги А. Незлобина „Кружковщина“.

„—Господа! вниманія! засталъ Пѣнкинъ, поднявъ руки, какъ бы готовясь къ побоищу:—я обѣщаль вамъ обдумать проектъ насущныхъ потребностей будущей общественной организаціи. Я трудился надъ этимъ изысканіемъ и пришелъ къ слѣдующему заключенію.

„Шумъ въ отдѣльныхъ группахъ смолкъ, и среди тишины раздался женскій визгъ:

„—Подлецъ! п-а-ад-лецъ, шпионъ!

„—Кто? за что? что такое?

„—Господа, да дайте же высказаться... я пришелъ къ тому убѣжденію, что на другой день переворота, когда власть перейдетъ въ наши руки, необходимо установить тотчасъ же нѣкоторыя общественныя формы. Должны быть учрежденія общественной гигиены, учрежденія почвенныхъ богатствъ: лѣсовъ, роцъ, озеръ, рѣкъ, учрежденія общественной безопасности: полиція, правосудіе...

„—Долой полицію!

„—Къ чорту правосудіе! слышались голоса.

„—Должны быть учрежденія культа, продолжалъ Пѣнкинъ.
—Храмы, попы...

„—Долой поповъ!

„— Должны быть тотчасъ же изобрѣтены новыя финансовыя единицы, продолжалъ ораторь:—размѣръ податей, налоговъ и средства къ ихъ взысканію...

„—Все это ерунда! съ горячностью заявилъ идолъ ¹⁾, но тотчасъ же поникъ въ глубое осовѣніе. Шумъ возобновился. Юные ораторы проталкивались къ столу высказаться, но, пока добирались до мѣста, пока могли возбудить къ себѣ вниманіе, успѣвали позабыть, что желали сказать и ограничивались эффектными выкриками: „анархію! солидарность!..“.

Можно себѣ представить, что получилось бы, если такая согласная компанія, въ ущербъ здравому смыслу, сдѣлалась водителницей судебъ громадной Россіи! Какой первобытный хаосъ воцарился бы на громадномъ протяженіи нашей родины! какъ укрѣпилась бы мощь русскаго государства на страхъ нашимъ внѣшнимъ врагамъ! Что стало бы съ нравственностью и съ чистой безпристрастной мыслью? Мы изъ опыта уже знаемъ, какъ осуществляется великая идея свободы, когда она дается невѣжественной и внутренне недисциплинированной массѣ. Уличные философы тотчасъ превращаютъ эту политическую свободу въ свободу *отъ какой бы то ни было ответственности*, т. е. даютъ ей такое дикое толкованіе (во вкусѣ новгородскихъ ушкуйниковъ, Емельки Пугачова и разбойниковъ на проѣзжихъ дорогахъ), которое ведетъ принявшихъ его къ неминуемой гибели. Наши социалисты любятъ себя улаждать мыслью, что великій актъ 17 октября есть результатъ ихъ побѣды. Не будучи до такой степени наивными, мы все-же должны отмѣтить тотъ фактъ, что наши социалисты дѣйствительно въ первые дни послѣ 17 октября пользовались почти неограниченной свободой. Какіе же результаты *этой* свободы? Громадный потокъ грязи, вылитый на русское общество безъ различія возраста и положенія, невѣроятное развитіе порнографіи въ искусствѣ и литературѣ, издѣвательство и терроръ мирныхъ жителей и въ концѣ концовъ поголовное вооруженіе съ цѣлью захватить власть въ свои руки. Смотрѣть въ глаза истинѣ, дѣйствительности, какъ бы она непривлекательна ни была,—долгъ всякаго честнаго че-

¹⁾ Идолами Незлобинъ называемъ кружковскихъ авторитетовъ.

ловѣка, но вѣдь нужно щадить и чувство человѣческаго достоинства, иначе въ этой смрадной грязи задохнуться можно! А сколько жертвъ поглотила эта удивительно понятая свобода! Не говоря уже о несчастныхъ жертвахъ московскаго и свеабургскаго возстаній, сколько лицъ, имѣвшихъ и имѣющихъ власть и вліяніе въ обществѣ, ошельмовано на всемъ протяженіи Россійской имперіи?! А вѣдь среди нихъ есть, несомнѣнно, люди честные, вѣрные присягѣ и совѣсти, преданные дѣлу обновленія Россіи. Ядъ неуваженія къ человѣческой личности разлился по всему общественному организму и чувствуется еще и теперь и въ обществѣ, и въ печати. Это пока почти единственное слѣдствіе нашей свободы. А народъ попрежнему голодаетъ. Частныя пожертвованія сравнительно ничтожны попрежнему. Состоятельные люди, озлобленные терроромъ крайнихъ партій, расточая фразы о необходимости придти на помощь бѣдному люду и жалуясь, въ то же время на свое невозможное (!) матеріальное положеніе, вслѣдствіе забастовокъ и т. п., объявляютъ имъ самимъ лишь замѣтный „бойкотъ“ несостоятельному классу, преисправно накидывая дѣны на всѣ товары.

Когда люди, борясь за идеаль, искренно стремятся приблизить къ этому идеалу своихъ враговъ, пренебрегая личными интересами, такая борьба бываетъ весьма производительна; если же въ борьбѣ пользуются въ личныхъ интересахъ, какъ средствомъ, возбужденіемъ животныхъ инстинктовъ съ цѣлью — выловить рыбу въ мутной водѣ, то такая борьба даетъ совершенно неожиданные результаты; люди только болѣе изощраются въ искусствѣ—подъ видомъ гуманныхъ словъ и дѣйствій удовлетворяютъ свои узко-эгоистическіе интересы. Прогрессъ народа отъ этого только тормозится. Пора, давно пора оставить эту тактику человѣконенавистничества! (Костр. Еп. Вѣд.).

Е. Соловьевъ.

Извѣстія и замѣтки.

Характеристика современныхъ настроеній въ духовенствѣ. — Пензенскій съѣздъ духовенства. — Кружокъ проповѣдниковъ въ Тамбовской дух. семинаріи. — Номинальные и фактическіе законоучители. — О монастырскихъ взносахъ на дух. учебныя заведенія. — Забастовка противъ духовенства.

— *Характеристика современныхъ настроеній въ духовенствѣ.* Священникъ Н. Соколовъ въ Пензенскихъ Епарх. Вѣдом. помѣстилъ интересную статью съ характеристикой *современныхъ настроеній въ духовенствѣ* въ пензенской епархіи и вообще. «Наша тяжелая година страшно, подобно сильному урагану, всколыхнула доселѣ покойно жившую среду нашего духовенства. Въ ней пробилась и новыя теченія, созрѣли и новыя думы, властно встали иные запросы, иные нужды и заботы. Псаломщики и діаконны захотѣли быть полноправными членами клира и настойчиво добиваются себѣ права видѣть своихъ представителей съ правомъ рѣшающаго голоса не только на благотворительныхъ, но и на окружныхъ и епархіальныхъ съѣздахъ. Прежде мало доступная даже для благотворительныхъ и почтенныхъ протоіереевъ консисторія въ послѣднее время терпѣливо и вѣжливо выслушиваетъ у столовъ столоначальниковъ, въ кабинетѣ секретаря и въ самомъ таинственномъ присутствіи о.о. членовъ не только смиренныя и слезливыя просьбы, но и сужденія и возраженія низшей братіи. Страшная доселѣ передняя и пріемная епархіальнаго владыки, гдѣ въ прежнее время робко толпились только въ «камиллавкахъ и крестахъ» и гдѣ прежде царило лишь гробовое молчаніе, прерываемое вздохами просигелей, теперь наполняются всеми смиренными и строптивыми чтецами, пѣвцами, діаконами, іереями, протоіереями и прочей братіей, чающей что-то получить, что-то отстоять или что-то потерять у своего владыки. Но съ грустью приходится убѣждаться, что современное освободительное движеніе въ государствѣ и Церкви въ отношеніи низшаго клира главнымъ образомъ сыграло ту роль, что чувствительно ударило по струнамъ его въ сущности маленькаго самолюбія. Въ средѣ приходскихъ священниковъ прежде всего выдѣляется группа молодыхъ священниковъ, которая повернула влѣво отъ интересовъ Церкви и духовенства; эта группа всею своею жизнью и дѣятельностью уже принадлежитъ не Церкви.. Затѣмъ идетъ несмѣняемая группа тѣхъ (увы, ихъ не мало!), глаза которыхъ смотрятъ кротко и ласково, все движенія которыхъ округлились, плечи сдѣлались шире, и вся фигура получила законченность сятаго человѣка, которому некуда торопиться, который попалъ, на-

конецъ, на свою мертвую точку, любить поѣсть, крѣпко поспать послѣ обѣда, а потомъ за вечернимъ чаемъ почитать умѣренную газетку и поговорить о конституціи и консисторіи. Обѣ эти партіи, немалочисленные сами по себѣ, въ общемъ не составляютъ большинства. Большинство теперь волнуется, проектируетъ, критикуетъ, скорбитъ и надѣется. Изъ этого большинства примѣтнѣе всего въ деревенской жизни выдѣляются тѣ пастыри, интересы которыхъ всецѣло поглощены думами и заботами не о дѣтяхъ паствы, а о дѣтяхъ кровной семьи. Тяжелая година, захватившая между прочимъ и наше учащееся юношество, болѣе всего давитъ іереетовъ, которые, не обращая вниманія на все общественное, сосредоточили всѣ свои помыслы и чаянія на судьбахъ своихъ дѣтей. Отцы, потрясенные беспорядками въ учебныхъ заведеніяхъ, ропшутъ, негодуютъ и, такъ или иначе, клеймятъ условія живой дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, изъ личныхъ бесѣдъ и сношеній со многими пастырями епархіи пришлось убѣдиться, что пастыри готовы еще 200 лѣтъ просуществовать въ условіяхъ стараго режима, лишь бы дѣти ихъ мирно учились и доучивались. Современное освободительное движеніе, такимъ образомъ, скользнуло лишь по поверхности самосознанія духовенства и затронуло главнымъ образомъ его чисто матеріальные, личные интересы, не оставляя сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ на его духовныхъ, чисто интеллектуальныхъ интересахъ. И авторъ съ сокрушеніемъ замѣчаетъ, что съ точки зрѣнія важнѣйшихъ требованій нашего времени духовенство новаго ничего не предпринимало; неохотно идетъ на встрѣчу попечительнымъ заботамъ и преуказаніямъ Синода относительно переустройства церковно-общественной жизни». На пастырскихъ собраніяхъ губернское духовенство упражнялось преимущественно въ ораторскомъ искусствѣ, разрабатывало никому ненужныя темы, на любую изъ которыхъ можно читать массу научныхъ статей. Это были скръби «говорильни». При первыхъ же шагахъ приходскихъ совѣтовъ закрывается сомнѣніе: посильны ли совѣтамъ возлагаемыя на нихъ задачи и вдохнуть ли они жизнь въ приходъ, члены котораго не знаютъ еще нормальной жизни? Объединяетъ ли прихожанъ пастырь? Къ сожалѣнію, менѣе всего. Онъ совершаетъ только богослуженія и требы. Проповѣдь говорится только въ церкви; она отвлеченна, теоретична, менѣе всего слѣдитъ за жизнью и отвѣчаетъ ея насущнымъ интересамъ и потребностямъ. Участіе пастыря въ общественной и семейной жизни прихожанъ, въ просвѣщеніи паствы, въ дѣлахъ призрѣнія и благотворительности самое ничтожное, часто вынужденное и во всякомъ случаѣ не имѣетъ руководящаго и объединяющаго значенія. Прихожане живутъ сами по себѣ, пастырь — самъ по себѣ, церковь — сама по себѣ. Мірская жизнь не одухотворяется церковными идеалами, прихожане не объединяются во имя идеи церковно-приходской общины».

Редакція съ своей стороны приводитъ на основаніи статьи мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей еще одну разовидность изъ

сферы настроеній въ духовенствѣ. Многіе батюшки въ достаточной мѣрѣ заразились и современнымъ направлениемъ всеотрицанія и всеуниженія, особенно молодые. Вину своего равнодушнаго исполненія пастырскаго долга, своего небреженія о паствѣ и часто своего ничегонедѣланія они слагаютъ на другихъ. «Виноваты архіереи, что не по-апостольски относятся къ духовенству, виновата консисторія, что мертвитъ всякую живую дѣятельность виноваты благочинные и другія должностныя лица, что вредятъ духовенству и унижаютъ его». Не пропитаны ли всѣ эти обвиненія ядомъ эгоизма и самолюбія? Не думаютъ ли, что съ уничтоженіемъ начальства и всякаго руководства, наступитъ новое небо и новая земля, когда и жизнь будетъ идеальной, самая дѣятельность пастырей плодотворной? Въ духовномъ мірѣ нынѣ стали обнаруживаться своеволие, недовольство и требованіе какой-то живой дѣятельности. Но кто останавливалъ всякое живое проявленіе мысли, желаніе живого дѣла на благо паствы, если они направлены въ пользу Церкви? Забывается нынѣ, что пастырское служеніе должно быть исполнено смиренія, кротости, покорности. должно отличаться нищетою духовною, самоотверженіемъ и повинованіемъ волѣ Божіей. Посему и движеніе духовенства должно быть направлено къ ревностному исполненію своего долга, къ объединенію и взаимной любви, обновленіе оно должно начать съ себя, съ перерожденія себя по духу любви. (Церк. Гол.).

— Засѣданія Пензенскаго съѣзда происходили съ 15 по 21 декабря 1906 г. Съѣздъ прошелъ при большомъ оживленіи. По характеру разсужденій и по предметамъ занятій закончившійся съѣздъ по справедливости долженъ быть названъ началомъ перехода отъ старыхъ традицій къ новымъ. Работа на съѣздѣ была очень сложная; однихъ консисторскихъ вопросовъ было поставлено болѣе 50. Особое оживленіе царило на засѣданіяхъ 20 и 21 декабря, когда обсуждались вопросы пастырскаго свойства. Сначала рѣчь шла объ оживленіи приходской жизни. Говорено было много рѣчей, какъ идеальнаго, такъ и практическаго характера. Въ общемъ пришли къ заключенію, что улучшеніе приходской жизни возможно черезъ устройство приходскихъ и пастырскихъ собраний, но при устраненіи причинъ, мѣшающихъ въ этомъ дѣлѣ, какъ-то: большіе сборы съ церковью, необезпеченность духовенства, безправіе его и безправіе общины въ юридическомъ смыслѣ и т. п. Кромѣ этого прошли также вопросы и объ инструкціи епархіальнымъ съѣздамъ съ участіемъ на нихъ и низшихъ членовъ причта. Подробная обработка этого вопроса поручена особой комиссіи. О подготовительной комиссіи къ епархіальнымъ съѣздамъ; объ отношеніи духовенства къ выборамъ въ Государственную Думу; объ упраздненіи діаконско-псаломнической экзаменаціонной комиссіи и Иннокентіевскомъ просвѣтительномъ братствѣ. Объ этомъ вопросѣ были разсужденія и 21 декабря на общемъ собраніи братства въ присутствіи Его Преосвященства,

начальника губернии и совета братства. Здѣсь предѣдатель съѣзда прочиталъ докладъ съѣзда о желательности расширить дѣятельность братства. Съѣздъ высказалъ желаніе, чтобы братство стало во главѣ всего просвѣтительнаго движенія въ епархіи, — издавало-бы брошюры для этого, свою богатую библіотеку (15000 томовъ) сдѣлало-бы достояніемъ духовенства, особенно сельскаго, для чего озаботилось-бы наймомъ подходящей квартиры для читальни. Послѣ этого Его Преосвященство удѣлилъ нѣкоторое время бесѣдѣ съ депутатами съѣзда, гдѣ главнымъ образомъ установился на вопросѣ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. (Пензенскій Еп. Вѣд. № 2).

— *Кружокъ (дружина) проповѣдниковъ въ Тамбовской дух- семинаріи.*— Съ благословенія Преосвященнаго Тамбовскаго, Иннокентія, въ этой семинаріи съ прошлаго 190^{5/6} учебнаго года образовался кружокъ (дружина) проповѣдниковъ (16 человекъ) подъ руководствомъ ректора семинаріи и преподавателя гомилетики. Этотъ кружокъ имѣетъ 2—3 раза въ недѣлю общія свои собранія. На этихъ собраніяхъ прочитываются литургійныя зачала изъ Апостола и Евангелія, указываются смыслъ и нравственная идея праздника и, соотвѣтственно съ этимъ, ведется бесѣда о темахъ для проповѣди (нѣчто, подобное этому т. е. чтеніе Апостола и Евангелія съ объясненіемъ того и другого, а также съ объясненіемъ церковныхъ священнодѣйствій, вечеромъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ цѣлымъ VI-мъ классомъ совершалось и въ нашей семинаріи, въ бытность ректоромъ ея протоіереемъ Василиемъ Михайловичемъ Пархомовичемъ — нынѣ архіепископа Донскаго Афанасіемъ; на такихъ собраніяхъ, кромѣ указаннаго, ученики VI класса приучались надлежаще произносить ектенійныя прошенія и возгласы. Дѣло это велось самимъ ректоромъ и нѣкоторыми преподавателями семинаріи, по очереди). Затѣмъ съ кафедръ произносятся очередныя проповѣди, по возможности, на память; при этомъ много труда кладется на разработку дикціи и вообще на всю внѣшнюю сторону проповѣдничества. Слушатели-ученики сами поправляютъ своего товарища-проповѣдника; они же ходятъ съ нимъ и въ храмъ (въ которомъ слово назначено для произнесенія) для дружеской «критики» его произношенія, для наблюденія надъ впечатлѣніями слушателей и вообще для собственнаго опыта. Все подмѣченное — въ похвалу или порицаніе проповѣднику — товарищи потомъ и сообщаютъ проповѣднику къ общему назиданію. Искренно чувствуя главные недостатки семинарскаго краснорѣчія — оторванность отъ жизни содержанія слова и монотонное чтеніе его, начинающіе, неопытные проповѣдники прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы освободиться отъ этихъ недостатковъ, стать ближе къ запросамъ жизни, подойти къ душѣ человѣка и простымъ, но воодушевленнымъ словомъ вызвать хоть искорку вѣры и примиренія съ Богомъ.

Въ какой мѣрѣ удастся имъ приблизиться къ этой цѣли, покажетъ будущій опытъ, а пока слушатели «не бѣгутъ» отъ юныхъ проповѣдниковъ и ихъ (собственныхъ) поученій. (Тамбов. Еп. Вѣд. № 47 1906 г.).

— *Номинальные и фактическіе законоучители.* Литовскимъ епархіальнымъ начальствомъ 19 минувшаго января вмѣнено въ обязанность священнослужителямъ, освобожденнымъ по уважительной причинѣ отъ непосредственнаго преподаванія закона Божія въ начальныхъ министерскихъ школахъ, имѣть самое тщательное наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія въ этихъ школахъ и за религіозно-нравственнымъ состояніемъ въ нихъ учащихся. Приходскіе священники, отказывающіеся отъ непосредственнаго преподаванія закона Божія въ народныхъ училищахъ, обязаны заявлять объ этомъ инспектору народныхъ училищъ и указывать ему благонадежныхъ лицъ, которыя могли-бы съ успѣхомъ вести преподаваніе закона Божія. На обязанности приходскаго священника остается контроль за учителемъ, фактически несущимъ труды законоучителя. Въ такомъ случаѣ законоучительское жалованье должно быть распределено такъ: $\frac{2}{3}$ изъ него — фактическому законоучителю и $\frac{1}{3}$ священнику за контроливаніе. Вопросъ о законоучителяхъ въ начальныхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и о распределеніи законоучительскаго жалованья возбужденъ былъ попечителемъ Виленскаго округа, оффициально заявившимъ архіепископу Литовскому Никандру, что случаи порученія учителямъ преподаванія закона Божія въ округѣ очень часты, нерѣдки также и недоразумѣнія изъ-за законоучительскаго жалованья между фактическимъ преподавателемъ закона Божія и номинальнымъ о. законоучителемъ. Норма распределенія законоучительскаго жалованья рекомендована также г. попечителемъ округа. (Литов. Еп. Вѣд. № 3).

← *О монастырскихъ взносахъ на дух.-учебныя заведенія.* На епархіальномъ съѣздѣ Уфимской епархіи обсуждался, между прочимъ, фактъ неплатежа монастырями Уфимской епархіи установленныхъ взносовъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Постановили: выразить удивленіе и недоумѣніе по поводу повально-забастовочнаго отношенія монашесвущей братіи Уфимской епархіи къ столь великому дѣлу, какъ поддержаніе духовно-учебныхъ заведеній, поставляющихъ народу просвѣщенныхъ пастырей и просвѣщенныхъ труженицъ на нивѣ народнаго образованія, учительницъ церковно-приходскихъ школъ, и почтительнѣйше просить мѣстнаго Преосвященнаго сдѣлать стоящимъ въ главѣ монастырей архинастырское внушеніе о томъ, насколько неблаговидна и неизвинительна монашеская кастовая замкнутость, особенно въ пятнадцатое время, — когда отъ всѣхъ служителей Церкви требуется

усиленная дружная религиозно-просвѣтительная работа. Резолюція Преосвященнаго утвердила это постановленіе: „Постановленіе съѣзда сообщить настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, отказавшихся отъ установленныхъ взносовъ. Въ виду исклю-чительно неблагопріятныхъ условій, въ какія поставлены въ насто-ящее время церкви и духовенство, просить архимандрита Га^Три-пла—благочиннаго монастырей, и другихъ не уклоняться ^{Вотъ} участія въ обще-церковномъ дѣлѣ, въ которомъ духовенство не сестъ наибольшую тяготу, какъ лично, такъ и имущественно. Разъяснить монастырямъ, что отказъ отъ установленныхъ взносовъ противорѣчитъ и иноческимъ обѣтамъ послушанія и нестяжательности и, сверхъ того, есть нарушеніе завѣтовъ прежнихъ настоятелей и настоятельницъ, при которыхъ взносы установ-лены; внушить имъ, дабы, послѣдуя апостольскому увѣщанію, не забывали общенія и благотворенія, да будутъ взносы ихъ добродетельными жертвами труждающимся пресвитерамъ, и послѣд-ніе не останутся неблагодарны имъ за ихъ жертвы,—а что важ-нѣе и спасительнѣе—такowymi жертвами благоугождается Богъ.—Эконому архіерейскаго дома предписать дѣлать установленный взносъ“.

(Уфим. Еп. Вѣд. № 2).

— Забастовка противъ духовенства съ нѣкоторыми селами нашего благочинія Касимовскаго уѣзда—Мелеховымъ, Лубоно-сомъ, Борками и другими, охватила и село Илебники. Пригово-рами на сельскихъ сходкахъ, за подписью знающихъ и незнаю-щихъ, постановлено: убавить на половину денежную плату за требоисправленіе и уничтожить доходную статью отъ руги, т. е. хлѣбный сборъ и т. п. Приговоры закрѣплены, хотя кощунст-венной, молитвой, нарушеніе которой считается большимъ грѣ-хомъ, и съ обязательнымъ постановленіемъ штрафа въ 1 рубль и болѣе съ того, кто будетъ, вопреки новаго приговора, платить за требоисправленіе духовенству по старому, уже десятками лѣтъ, если не вѣками, установленному обычаемъ порядку. И эти свое-образные приговоры составляютъ накануне великихъ празд-никовъ, какъ наприм., Святой Пасхи, или храмоваго праздника. И этимъ еще болѣе производятъ скорбное чувство и упадокъ духа въ гонимомъ духовенствѣ. И праздникъ бываетъ не въ праздникъ, когда видишь злорадство во всѣхъ, окружающихъ тебя, когда встрѣчаешь и привѣты, подобные Іудинуму цѣлова-нію. Сколько приходится переиспытывать нравственнаго страда-нія, сердечнаго терзанія, сопровождаемыхъ горькими слезами! Горько, скорбно терпѣтъ матеріальный недостатокъ, но морально-нравственныя страданія души и сердца неопикуемы! И это еще не все. Наученный, или подстрекаемый современными невѣрами, и анархистами, какъ врагами св. церкви и служителей ея, озлоб-ленный простолюдинъ готовъ стереть съ лица земли ненавист-ныхъ ему поповъ, какъ излишнихъ дармоѣдовъ; готовъ какъ бы

уничтожить духовенство, какъ ненужную касту, какъ излишнюю обузу. Примѣры тому на лицо. 11-го октября 1906 г. въ 9 ч. вечера пьяная шайка молодыхъ крестьянъ с. Илебникъ въ количествѣ 18—20 человекъ нападаетъ на домъ священника, живущаго внѣ села, ломится съ угрозами и непристойными словами на устахъ, разбиваетъ окна, пытается влѣзть въ оныя, чтобы произвести разгромъ въ домѣ, сдѣлать насиліе надъ священникомъ и его семействомъ, надругаться надъ нимъ и т. п. Лишь крики «караулъ» священника и его семейства, и набатный звонъ, данный церк. сторожами, разсѣяли на время разбойничью шайку хулигановъ. А собравшійся народъ, для очищенія совѣсти за хулиганскія выходки односельчанъ,—дѣтей своихъ, далъ ночную стражу въ 5—6 человекъ и тѣмъ самымъ предупредилъ все неприятое для священника, а можетъ быть, и опасность, соединенную для него съ потерей жизни. А попытки этихъ хулигановъ съ ихъ сторонниками, по упорнымъ слухамъ, не оставлять въ покоѣ священника, заставили его въ теченіи 5—6 недѣль имѣть въ свой счетъ особыхъ ночныхъ сторожей. Но этимъ, конечно, совсѣмъ злодѣйскіе порывы хулигановъ не предотвращаются. Злодѣи не дремлютъ въ своихъ замыслахъ донимать священника. Наканунъ храмоваго праздника 7 ноября въ ночь они жгутъ все сѣно, имѣющееся у священника въ лугахъ (въ 1-й верстѣ отъ села) въ количествѣ 400—500 пуд., что составляетъ, конечно за неимѣніемъ,—особенно въ нынѣшній неурожайный годъ, кормовыхъ продуктовъ, чувствительную для него потерю. А въ предупрежденіе еще большихъ злодѣяній по отношенію къ священнику со стороны озвѣрѣвшихъ хулигановъ не оставлявшихъ его въ покоѣ угрозами, онъ вынуждается на праздничные дни, когда вслѣдствіе пьянства и народнаго разгула, опасности больше, для самозащиты и охраны пригласить двухъ урядниковъ. Но и они оказались сравнительно малосильными въ предотвращеніи нежелательныхъ приключеній. Въ 3-й день праздника 10 ноября толпа хулигановъ избиваетъ урядниковъ, изъ коихъ одного Синтульскаго обезоруживаетъ. И одинъ изъ участниковъ насилія надъ урядникомъ съ заряженнымъ револьверомъ, отнятымъ у урядника, нападаетъ на священника, въ священномъ облаченіи съ св. Евангеліемъ и св. Крестомъ въ рукахъ, въ преднесеніи св. иконъ, такъ что послѣдній изъ боязни и опасенія быть убитымъ, прекратилъ служеніе молебновъ и ушелъ съ св. иконами, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ охранителей—прихожанъ, въ св. храмъ. А во всю ночь подъ 11 ноября, въ виду возбужденности обезумѣвшихъ злодѣевъ и усиленныхъ угрозъ со стороны ихъ разгромить и сжечь имущество священника, подъ распорядительностью урядника Бѣлова стража въ 8 человекъ охраняла домъ и гумно священника и тѣмъ самымъ предупредила ожидаемую опасность. А по увѣдомленіи Г-на уѣзднаго исправника о печально-скорбномъ положеніи священника, имъ посланы были стражники для пребыванія въ домѣ священника и на его содержаніи до тѣхъ поръ, пока не минуетъ для него опасность.

И тогда жизнь послѣдняго стала нѣсколько отраднѣе, хотя далеко еще не безопаснѣе. Потому что часть злодѣевъ на лицо Всегда онъ находится подѣ опасеніемъ лишиться своего имущества, находится съ своимъ семействомъ даже подѣ страхомъ между жизнью и смертію. Думается, подобнаго рода факты не рѣдкость. Вотъ какая горькая доля служителей св. церкви и алтаря!

(Рязан. Еп. В.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИКОНОСТАСНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННО-ИКОНОПИСНАЯ И ПОЗОЛОТНАЯ
МАСТЕРСКАЯ

Архитектора ЯКОВА ВАСИЛЬЕВИЧА ПАУЧЕНКО.

Въ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ Верхнедонская улица собствен. доми.

Существуетъ съ 1861 года.

НАГРАДЫ:

Отъ Московскаго художественнаго общества серебряная медаль.
За выставку въ ЕлисаветградѢ серебряная медаль.

ИМПЕРАТОРСКАЯ выставка въ Ростовѣ н/Д 18 сентября 1906 г.
золотая медаль.

Въ мастерской принимаются заказы на всѣ церковныя работы, какъ-то: образа съ живописными, золочеными, цированными и чеканными фонами (иксти художниковъ и живописцевъ), украшеніе церквей священно-историческою живописью и орнаментами (стѣнная живопись). Устройство иконовъ, футляровъ, рамъ, новыхъ иконостасовъ сплошь золоченыхъ, крашеныхъ масляными красками, съ золочеными икодоннами и орнаментами, дубовыхъ рѣзныхъ (по проектамъ архитектора), переозолота старыхъ и реставрація старинныхъ иконостасовъ, а также принимаются работы по сооруженію новыхъ церквей, ремонту старыхъ, кирпичныхъ и деревянныхъ.

Всѣ работы производятся художественно, вполне согласно со стилемъ и устройствомъ, принятыми нашею православною церковью, подѣ личнымъ наблюденіемъ архитектора Паученко. Вслѣдствіе постоянно большого числа заказовъ, я имѣю возможность изготовлять всѣ работы по выгодной цѣнѣ.

Лица, обращающіяся въ мастерскую съ запросами, немедленно получаютъ: цѣны, смѣты, рисунки и проекты. За принятіемъ заказовъ являюсь я самъ лично или присылаю довѣреннаго и совладѣльца своего А. П. Осмеркина.

✠ ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ ✠

Стефана Θεодоровича

ЕРМАКОВСКАГО

въ г. Черкассахъ, Кіевской губерніи.

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами.

Всевозможная живопись и чеканка, а также картины масляными красками разныхъ сюжетовъ и малярныя домашня работы.

Все вышепоименованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ иконостасныя работы въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ.

За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ.

Фирма существуетъ съ 1879-го года.

→→ НОВОЕ ИЗДАНИЕ ←←

„МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ.“

(По вопросамъ церковно-общественнаго характера),

ОТТИСНУТЫХЪ СТАТЕЙ „П. Е. В.“

Цѣна 20 коп.

*Складъ изданія въ Книжномъ магазинѣ **МАРКЕВИЧА.***

СТКРЫТА НА 1907 ГОДЪ ПОДПИСКА

— НА —

еженедѣльный политическій журналъ.

34 годъ
изданія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕДѢЛЯ

34 годъ
изданія

(бывшая газета «НЕДѢЛЯ».)

Въ журналъ „НЕДѢЛЯ“ принимаютъ участіе лучшіе политическіе писатели.

Въ теченіи 1907 года журналъ „НЕДѢЛЯ“ будетъ выходить по той же программѣ, какъ и въ прежніе годы т. е. стремиться такъ же неуклонно къ достиженію народнаго благоденствія прямымъ, честнымъ и законнымъ путемъ. Какъ и въ прошлые годы „НЕДѢЛЯ“ будетъ бичемъ измѣны, бичемъ лжи, клеветы и обмана, отъ кого бы они ни исходили; какъ и въ прошлыхъ годахъ „НЕДѢЛЯ“ будетъ ярко освѣщать правду и, опираясь на эту правду, по прежнему искренно бесѣдовать со своими читателями.

Въ журналъ „НЕДѢЛЯ“ будетъ отведено особое мѣсто для полнаго и безпристрастнаго обзора событій за недѣлю въ Россіи.

Вслѣдствіе снятія судебной палатой запрещенія на изданіе газеты „НЕДѢЛЯ“, журналъ «Политическая Недѣля» въ 1907 году будетъ издаваться съ 1-го Апрѣля с. г.

Подписная цѣна съ 1-го Апрѣля до конца года съ достав. и перес. 3 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕДѢЛЯ“ С.-Петербургъ. Шпалерная ул. 43.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія разрѣшило законоучителю и преподавателю исторіи Кіевской гимназіи В. И. Петра, священнику М. А. Стельмашенко, окончившему Университетъ св. Владиміра и Кіевскую Духовную Академію, открыть въ гор. Кіевѣ исключительно для учащихся всѣхъ христіанскихъ исповѣданій 8-ми классную МУЖСКОЮ ГИМНАЗІЮ съ полными правами и преимуществами правительств. гимназій, по уставу 30 іюля, 1871 года. Гимназія въ составѣ (пока) приготовит. и первыхъ четырехъ классовъ будетъ открыта въ Маѣ настоящаго года, причемъ пріемъ учащихся по экзаменамъ и переводу изъ другихъ гимназій начнется съ 1 Мая.

Справки и приемъ прошеній ежедн., отъ 11 до 2 час., по Б. Подвальной. № 28, кв. 3. Въ интересахъ серьезной постановки воспитательнаго дѣла для иногороднихъ воспитанниковъ гимназій открывается съ Августа пансіонъ съ платой за содержаніе въ немъ 300 р. въ годъ. Правоученіе—въ приготов. кл. 75 р. въ 1 и 2 кл.—100 р. и въ остальныхъ кл. 120 р. Для недостаточныхъ уменьшен. плата.

Съ 1 Мая с. г. возобновляется приемъ ученицъ (исключит. христіанскихъ исповѣданій) по экзаменамъ и переводу, изъ другихъ гимназій въ приготовит., 1, 2, 3 и 4 кл. **ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ И. Ф. СТЕЛЬМАШЕНКО** по Б. Подвальной, № 28. Гимназія—съ правами министер. гимназій для учащихся. Въ приготовит. кл.—75 р., въ остальн. классахъ 100 р. Для недостаточныхъ—70 р.

При гимназій съ Августа открывается пансіонъ **Е. С. ГУДИМЪ-ЛЕВКОВИЧЪ**.

СОДЕРЖАНІЕ. Слово св. Іоанна Златоустаго во свят. Пасху (опытъ перифразы) I.—В. П. Побѣдоносцевъ. (Некрологъ). II.—Алексій Осиповичъ Раевскій. (Некрологъ и похороны) IV.—Къ характеристикѣ русскаго социализма. V.—Извѣстія и замѣтки.—VI.—Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи | *В. Терлецкій.*
| *В. Конопатовъ*

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 10 Апрѣля 1907 г.
